

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Сергей МОСКВИН

ПО СИЛАМ
ТОЛЬКО ПРОФИ

Сергей Москвин

По силам только профи

«ЭКСМО»

2007

Москвин С. Л.

По силам только профи / С. Л. Москвин — «Эксмо», 2007

Необыкновенно динамичная, полная невообразимых приключений история! Офицерам ГРУ капитану Соболеву и лейтенанту Анне Воротовой поручено найти и обезвредить опасного террориста по кличке Пиночет, взорвавшего в Косово машину с сотрудниками российского консульства. След обнаружен, подозреваемый обозначен. Захватить кровавого террориста можно в его собственном логове – в Южной Америке, на личной вилле, скрытой в непроходимых джунглях. Анну бог внешностью не обделил, и сотрудница ГРУ, выдавая себя за девицу легкого поведения, отправляется в самое логово Пиночета. По степени безрассудства и опасности этот поступок можно сравнить разве что с купанием в притоке Амазонки, кишящей голодными пираньями... Роман издавался под названием «Покушение».

© Москвин С. Л., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Москвин

По силам только профи

Глава 1

Зарубежная командировка

Площадь на пересечении двух не самых оживленных улиц сербского краевого центра практически не отличалась от десятка других похожих на нее площадей. Тем не менее рослый, широкоплечий мужчина, сидящий у окна за занавеской в одноместном номере небольшой частной гостиницы, выходившей своими окнами на площадь, вот уже несколько часов неотрывно наблюдал за ней. Занятие не тяготило его, так как являлось делом привычным. Прежде ему приходилось вести наблюдение, лежа на кишасе многоножками и червями прелом листовенном опале в перуанской и колумбийской сельве, на прокаленных солнцем уступах мальтийских скал и в снегу южноамериканских Анд и европейских Альп, на крышах американских небоскребов, где невозможно распрямиться в полный рост без риска быть сброшенным вниз шквальным порывом ветра, и в наводненных крысами подвалах портовых городов южной Италии. Оставаясь невидимым, он мог часами глядеть в одну точку, подобно подстерегающему свою жертву хамелеону или пауку, хотя такое сравнение никогда не приходило ему в голову.

Сейчас он устроился вполне комфортно, расположившись в удобном кресле за придвинутым вплотную к подоконнику письменным столом. На столе перед ним лежали полевой бинокль и умещающийся в кулаке импульсный радиопередатчик с выдвинутой антенной. Прорезанная в занавеске на уровне глаз широкая смотровая щель позволяла, не вставая с кресла, одновременно видеть всю площадь. И хотя наблюдатель периодически брал со стола бинокль и внимательнейшим образом осматривал площадь, интересовали его только два объекта: огороженный кованой решеткой двухэтажный особняк под трехцветным бело-сине-красным флагом – российское консульство в Косове, и припаркованный на краю площади темно-синий фургон с эмблемой местной телефонной компании. Еще в большей мере его интересовал третий объект, который должен был появиться на площади. Наблюдатель не знал, когда появится объект, но он умел ждать и не сомневался, что до закрытия консульства это произойдет обязательно.

Незадолго до наступления сумерек в конце видимой части улицы показался темный «Мерседес». Увидев его, наблюдатель отработанным движением взял со стола бинокль и навел на приближающуюся к площади машину: дипломатические номера и трехцветный флажок на правом крыле – машина российского консула. Он удовлетворенно улыбнулся. И почему бизнесмены и политики большинства стран предпочитают именно эти автомобили? Горят они точно так же, как и все остальные.

Не опуская бинокля, наблюдатель коснулся закрепленного на поясе сотового телефона, соединенного шнуром с зацепленным за ушную раковину наушником, и нажал клавишу повтора последнего набранного номера.

– Анджей, твой выход, – раздельно произнес он по-английски в закрепленный на шнуре микрофон.

Сидящий за рулем грузовичка-фургона местный двадцатичетырехлетний парень заявил при встрече, что говорит по-русски и по-английски, хотя в действительности мог произнести по-русски лишь несколько ругательств, перенятых им от российских миротворцев, а по-английски не говорил вовсе и лишь с трудом понимал простейшие фразы. Но свое имя он все-таки сумел разобрать. Наблюдатель разглядел в бинокль, как вырвалось дымное облачко из

выхлопной трубы стоящего на площади фургона, а спустя пару секунд грузовичок телефонной компании отъехал от тротуара и медленно покатил вперед.

– Спокойно, Анджей. Не торопись, – предупредил водителя наблюдатель, одновременно следя за движущимися пересекающимися курсами фургоном и «Мерседесом» российского консула.

Выехавший на площадь «Мерседес» притормозил, пропуская проезжающие по главному направлению автомобили, что заставило наблюдателя внести необходимые коррективы.

– Стоп!

Автофургон немедленно остановился. Причем водитель включил указатели поворота, изобразив, что хочет перестроиться в соседний ряд и пропускает движущиеся в параллельном ряду машины, так что его остановка выглядела совершенно естественной. В отличие от иностранных языков, свое шоферское дело Анджей знал отлично. Не зря его рекомендовали как самого ловкого местного автоугонщика. При этом он оказался весьма недалек, иначе ни за что не согласился бы на странное предложение проехать в указанный момент мимо российского консульства, поверив словам об установленной в фургоне специальной аппаратуре слежения. Наблюдатель улыбнулся собственным мыслям: впрочем, то, что находится в кузове автофургона, действительно по-своему уникально. Так что он практически не погрешил против истины.

«Мерседес» с российским вымпелом снова двинулся вперед и, подъехав к консульству, остановился напротив кованых чугунных ворот. Дежурный привратник, или как там называется эта должность у русских, бросился открывать ворота, а охраняющие консульство двое молодых косовских полицейских с тяжелыми итальянскими «береттами» в потертых кожаных кобурах, безмерно гордые оттого, что им доверили столь серьезное оружие, приветствовали главу российской дипломатической миссии строевыми стойками. Наблюдатель снова улыбнулся. Все-таки подбострастие у славян в крови. Готовы заискивать перед каждым, кто выше их по должности или званию. Пока он рассматривал полицейских, демонстрирующих российскому дипломату строевую выправку, привратник успел распахнуть первую створку ворот и взялся за вторую. Пора, иначе через несколько секунд автомобиль консула въедет во двор дипмиссии.

Наблюдатель дотянулся рукой до лежащего на столе передатчика и сдвинул в сторону предохранительную шторку, открыв расположенную под ней утопленную кнопку.

– Анджей, газу!

Сорвавшись с места, автофургон телефонной компании рванулся вперед. Пляшущиеся на консульский «Мерседес» полицейские не обратили на приближающуюся к ним машину никакого внимания. Но если бы они даже заметили, как едущий по площади синий фургон стремительно набирает скорость, то изменить что-либо уже не смогли бы. В считанные секунды автофургон поравнялся с консульским «Мерседесом». В то же мгновение следящий за ним из гостиничного окна наблюдатель нажал на своем передатчике открытую кнопку и, точно зная, что произойдет в следующий момент, соскользнул с кресла и нырнул под стол.

Разорвав лопнувший, словно мыльный пузырь, кузов автомобиля, из фургона вырвался ослепительно яркий огненный шар, подхватил стоящий у ворот «Мерседес» и, смятая чугунную ограду, швырнул его на фасад российского консульства. Не выдержав удара взрывной волны, стена особняка обрушилась вниз, похоронив под обломками остов расплюсченной взрывом машины вместе с телами находившихся в салоне «Мерседеса» людей. Распространяющаяся в других направлениях взрывная волна была слабее, но даже ее ослабленной силы оказалось достаточно, чтобы перевернуть несколько проезжавших рядом с взорвавшимся автофургоном автомобилей, разметать по площади фигурки прохожих и выбить стекла в окружающих площадь домах.

Когда смолкло эхо взрыва, прятаясь под столом наблюдатель выбрался из своего укрытия и, ступая по усеянному пол осколками стекла, подошел к окну и выглянул в пустую оконную нишу. Прогревший взрыв изменил все вокруг до неузнаваемости. Над площадью клубились облака едкого черного дыма и цементной пыли, среди которых мерцали языки пламени и угадывались развалины особняка, где располагалось российское консульство. А по мостовой, пошатываясь и кое-как переставляя ноги, куда-то брели выжившие счастливицы. Но организатора взрыва они не интересовали. Бросив в заранее приготовленную сумку бинокль и передатчик, приведший в действие установленный в кузове автофургона радиоуправляемый фугас, он вышел из гостиничного номера в коридор. Спустя несколько секунд в разных концах коридора захлопали двери – напуганные взрывом постояльцы гостиницы выбегали из своих номеров. Кто-то вытирал полотенцем кровь с лица, кто-то неумело зажимал брызжащий кровью порез на руке, одновременно пытаясь вынуть из раны вонзившийся осколок стекла, но большинство просто тарасились безумными глазами в пространство. Стараясь не встречаться с ними взглядом, организатор взрыва быстро прошел мимо и скрылся на лестнице. Он хорошо знал, что такое паника, и спешил покинуть гостиницу до того, как напуганные взрывом очевидцы придут в себя и снова начнут адекватно воспринимать обстановку. Выйдя из гостиницы, он прошел один квартал и свернул во двор, где его ждала машина – старый, но еще достаточно ходкий, чтобы за час домчаться до косовско-албанской границы, «Ситроен». Сидящий за рулем водитель, пусть не такой ловкий, как несчастный Анджей, пепел которого развеяло по всей площади, но неоднократно проверенный и надежный, насколько вообще может быть надежен наемник, вопросительно посмотрел на него. В ответ на взгляд своего помощника организатор взрыва утвердительно кивнул. Водитель облегченно выдохнул и, вспомнив об обещанных за работу деньгах, довольно улыбнулся.

– Куда теперь, Пиночет?

– В Печ, – объявил подошедший к машине взрывник и, усевшись на заднее сиденье, пояснил: – Там со вчерашнего дня ждет проводник, у которого подготовлено окно на границе.

* * *

На табло еще не зажглись предупреждающие надписи, но Анна почувствовала, что самолет начал снижаться. Она нетерпеливо выглянула в иллюминатор: так и есть. В разрывах облаков уже можно было разглядеть покрытые лесом холмы и разделенные автодорогами аккуратные прямоугольные поля, среди которых компактно расположился фермерский поселок или какая-то сербская деревушка. В то время как в Москве на деревьях еще только распускались первые почки, здесь уже давно наступила весна. Фермерские поля весело зеленели свежими всходами, а рощи успели одеться густой тенистой листвой.

Анна впервые летела в Югославию, и в Шереметьеве, во время регистрации, стыдась вызвать ироничную усмешку Соболя, попросила место возле иллюминатора. Больше всего она боялась, что Соболев поднимет ее на смех, посчитав такую просьбу детским капризом. Однако он и не подумал смеяться и даже одобрительно подмигнул ей, когда она забирала со стойки регистрации посадочные талоны. Повернувшись к своему спутнику, Анна увидела, что он мирно дремлет, слегка наклонив голову набок. Везет. Ей бы иметь такую выдержку. Впрочем, в отличие от нее – Авроры... Анна гордо улыбнулась, мысленно назвав себя конспиративным именем, к которому еще не успела привыкнуть. Она выбрала себе оперативный псевдоним по аналогии с псевдонимом Соболя, являющимся производным от его фамилии. Правда, в собственной фамилии Воротова не было ничего романтического, и она добавила первую букву имени. Получилось звучно и красиво – Аврора, гораздо лучше, чем просто Анна.

Мысли девушки вновь переключились на ее спутника. У Соболя это не первая командировка. Далеко не первая. Ему уже не раз и не два приходилось принимать участие в рис-

кованных операциях военной разведки на Балканах, Ближнем Востоке и даже в Америке. А вот сколько – об этом знает лишь он сам да руководство ГРУ. Пользуясь тем, что Соболев не видит ее восхищенного взгляда, Анна откровенно любовалась им. Мужественное, волевое лицо, широкий подбородок, свидетельствующий о твердости характера и решительности натуры, прямой нос, короткая челка густых волос, слегка свесившаяся на лоб. Анне захотелось поправить ему волосы, но она знала, что от малейшего прикосновения Соболев сейчас же проснется. Мускулистая шея, широкие плечи и крепкие, сильные руки, которые в то же время могут быть и необычайно нежными. Такой он – капитан Соболев – старший оперативно-боевой группы специальной разведки ГРУ и на все время югославской командировки ее непосредственный начальник. Это благодаря ему после окончания Института военных переводчиков Анна была зачислена в штат Главного разведывательного управления, о чем молодая девчонка из обычной офицерской семьи могла только мечтать. Нет, Соболев не присутствовал во время распределения – в мандатную комиссию входили только старшие офицеры. Но именно по его рекомендации и на основании его оценок кадровики ГРУ предложили ей продолжить службу в военной разведке.

Со своим будущим начальником Анна познакомилась еще на четвертом курсе во время семинарского занятия по испанскому языку. Правда, ту первую встречу вряд ли можно было назвать знакомством. Соболев пришел на семинар по приглашению преподавателя. Сотрудники кафедры не раз приглашали на практические занятия действующих офицеров. Те, как правило, во время занятий отмачивались, ограничиваясь коротким выступлением по теме семинара. Но в этот раз приглашенный офицер живо включился в дискуссию со слушателями, показав блестящее знание испанского языка, а также нравов и обычаев жителей Аргентины, о чем как раз шла речь на семинаре. Проводивший семинар преподаватель представил гостя как сотрудника Генерального штаба. Судя по возрасту офицера, а ему явно не было еще тридцати, в Генштаб он мог попасть только по блату. Но в нем не было ровным счетом ничего от привыкших к барским замашкам генеральских сынков. Его внимательные карие глаза свидетельствовали о богатом жизненном опыте, хотя было совершенно непонятно, где он мог этот опыт приобрести. После занятия все девчонки в группе только и говорили, что о молодом статном офицере, присутствовавшем на семинаре. Анна, любившая перебивать косточки курсовым офицерам и преподавателям, на этот раз ушла от разговора, потому что, как ей показалось, из всех слушательниц незнакомец с красивой фамилией Соболев обратил внимание именно на нее. Чего стесняться, испанский она знала лучше всех в группе – спасибо маме-учительнице. В военных городках, по которым кочевала семья Воротовых, желающих изучать испанский не было, и мать все свое педагогическое мастерство и старание вкладывала в единственную дочь. Красотой Анну бог тоже не обидел, дав ей почти модельный рост – сто семьдесят пять сантиметров. В детстве она много плавала – летом целыми днями пропадала на реке, возле которой дислоцировался полк дальней авиации, где служил отец. Любила поиграть со сверстниками в мяч, иногда к детским играм присоединялись и взрослые. В институте всерьез увлеклась волейболом. Так что фигуру имела что надо – мужчинам было на что глаз положить. Да Анна и сама, чего скрывать, очень хотела понравиться интересному гостю. Но в следующий раз Анна встретила Соболева только через месяц, когда он пришел на институтские соревнования по волейболу среди женских команд. В тот раз команда Анны проиграла, тем не менее это не помешало Соболеву после игры подойти к ней.

– Вы?! – искренне удивилась Анна, вытирая со лба пот. Горечь поражения мгновенно забылась.

– Узнал, что вы, Аня, не только прилежная ученица, но еще и отличная спортсменка, и не смог отказать себе в удовольствии снова увидеть вас, – признался Соболев.

Анна зарделась: оказывается, он навел о ней справки! К счастью, на раскрасневшемся во время игры лице невозможно было разглядеть предательский румянец.

– Не такая уж и отличная, раз мы проиграли, – ответила она.

– Ну-ну, не скромничайте. Во время матча вы были на высоте. Просто ваши противники оказались чуть сильнее.

– У них и опыта больше, – тут же поддакнула Анна.

Разговор тек легко и непринужденно. Анна заметила, что завязавшаяся беседа интересна не только ей, но и молодому офицеру, поэтому не удивилась, когда увидела, что Соболев ждет ее у выхода из раздевалки. По-хорошему надо было бы высушить мокрые после душа волосы, но не могла же она заставить его ждать еще дольше. Так и вышла на улицу с мокрыми волосами. Впрочем, даже с такой прической она смотрелась весьма эффектно. Через час они уже сидели в маленьком уютном кафе и пили ароматный кофе с буквально тающими во рту пирожными, политыми шоколадной глазурью. В кафе можно было заказать и шампанское, но Соболев этого не сделал. Анна решила, что из опасений попасть в двусмысленную ситуацию: преподаватель, спаивающий студентку. Хотя по большому счету никакого отношения к преподаванию он не имел и даже не числился среди сотрудников института. После игры очень хотелось пить, и Анна попросила спутника принести ей сок. Чтобы проверить отношение Соболева, специально выбрала самый дорогой – гранатовый, хотя больше любила яблочный и виноградный. Зато налитый в высокий стакан рубиновый гранатовый сок очень напоминал вино, придавая романтический характер свиданию. Анна и пила его, как вино, маленькими глотками. Пила и думала, как ей следует поступить, когда Соболев пригласит ее к себе домой. Что там должно последовать, было понятно. Оставалось решить, принять его предложение или все-таки отказаться.

– Аня, вы современно мыслящая девушка. Сегодня я лишний раз в этом убедился, – заглянув ей в глаза, сказал Соболев. – Как вы смотрите на то, чтобы...

Анна напряглась на стуле. Вот! А она так и не решила, как ей быть.

– Взяться за написание курсовой по специальной теме? – неожиданно закончил Соболев.

Анна так и застыла с открытым ртом. А она-то, дура, вообразила, что он без ума от нее. И, главное, с чего?! Просто предложил зайти в кафе, чтобы не мерзнуть на улице, а она напридумывала себе невесть что. Нужно было как-то выходить из этого дурацкого положения, в которое она сама себя загнала, и Анна сказала:

– Но темы курсовых и дипломных работ утверждает кафедра.

Соболев добродушно улыбнулся. Если он и понял причину ее замешательства, то не подал вида.

– Ну, с руководством кафедры мы с вами как-нибудь договоримся.

Его «мы с вами» окончательно решило дело. Анна дала свое согласие. А через несколько дней ее вызвал к себе в кабинет начальник кафедры полковник Проскурин (невиданный случай) и там, в присутствии Соболева, утвердил за слушательницей Воротовой курсовую работу по теме «Сходство и различие устойчивых фразеологических форм южнославянских народов». Анна никогда не изучала языки южных славян и даже не знала, сколько их всего, но разве она могла отказаться от темы, которую предложил Соболев? Тема почему-то оказалась секретной, поэтому обсуждать курсовую с преподавателями кафедры запрещалось. Правда, переполняемая эмоциями Анна в первый момент не задумалась над этим. Но после того как Проскурин определил ей в качестве научного руководителя Соболева, Анна и не собиралась этого делать. Она твердо решила, что отныне будет общаться только с ним. Правда, общение получилось односторонним. Побывать у своего научного руководителя на службе и даже выяснить, где она проходит, Анне не удалось. Она виделась с Соболевым только в институте, куда он приезжал не чаще раза в неделю, выслушивал накопившиеся у Анны вопросы, указывал, где ей следует поискать недостающий материал, при этом сам никогда ничего не объяснял, а где-то за два месяца до защиты и вовсе куда-то пропал. Анна пыталась разыскать его через начальника кафедры, но Проскурин ответил, что понятия не имеет, где находится Соболев и когда снова появится в институте.

Соболев объявился перед самой защитой, точнее, за два дня. В отличие от Анны, все это время не вылезавшей из спецбиблиотеки, он не утруждал себя копанием в книжной пыли, потому что успел загореть так, словно все это время провел на пляже или в солярии. От загара черты его лица обострились. И вообще он выглядел худым и усталым. Анна даже мысленно позлорадствовала над ним. Соболев при ней просмотрел готовую курсовую работу. Именно просмотрел, а не прочитал – слишком быстро листал, зато задал несколько вопросов, ради ответов на которые Анне пришлось снова засесть в библиотеке, а уже ночью перед защитой переписать текст своего выступления. Обиднее всего было то, что все ее жертвы оказались напрасны. Защита курсовой прошла на удивление легко. От кафедры на ней присутствовал только сам полковник Проскурин. Кроме него в аттестационную комиссию входили два незнакомых Анне подполковника и сам Соболев. Вчетвером они выслушали доклад Анны – она жутко волновалась, тем не менее сумела рассказать о проделанной работе, почти не заглядывая в свои шпаргалки. Затем слово взял Соболев. В целом он положительно охарактеризовал представленную ею работу, но говорил как-то вяло. По мнению Анны, ее труд заслуживал более высокой оценки. Затем подошло время вопросов. Но начальник кафедры демонстративно хранил молчание, а подполковники о чем-то пошептались между собой и после недолгого совещания выставили оценку «отлично». Анна, настроившаяся на настоящий научный диспут, осталась, мягко говоря, разочарована. Тем не менее на выпускном курсе она снова взялась писать диплом под руководством Соболева. Защита дипломной работы мало отличалась от защиты курсовой. Разница состояла лишь в том, что на этот раз аттестационная комиссия была чуть шире по составу. Но теперь Анна уже знала, что и диплом, и курсовую она писала по темам, предложенным военной разведкой, как и то, что ее научный руководитель является кадровым офицером-разведчиком и после окончания института она также станет сотрудницей ГРУ – распределение состоялось за месяц до защиты дипломных работ...

– Леди и джентльмены, наш самолет приступил к снижению. Просим вас пристегнуть ремни и привести спинки кресел в вертикальное положение... – объявил записанный на пленку голос бортпроводницы на английском и русском языках, и Соболев сейчас же открыл глаза.

– Так и не спала? – перехватив взгляд Анны, спросил он.

– Почему, я вздремнула, – соврала она.

Соболев конечно же распознал ложь, но ничего не сказал, лишь усмехнулся и отвернулся к иллюминатору. Анне стало так стыдно за свой обман, что она так и не решилась заговорить с ним и до самой посадки не произнесла ни слова.

Паспортный и таможенный контроль в белградском аэропорту занял немного времени. И уже через час с небольшим Анна с Соболев, нагруженные сумками с видео- и телеаппаратурой, вышли в зал прилета, где их ожидал сотрудник посольской резидентуры с вызывающей сочувствие фамилией Сиротин. Перед вылетом из Москвы Анна старательно запомнила его фотографию, поэтому сразу узнала посольского разведчика среди немногочисленных встречающих аэрофлотовский рейс. Впрочем, ошибиться было невозможно. Офицер держал в руках табличку с их легендированными фамилиями. Позже, когда Сиротин на своей машине привез их на конспиративную квартиру, Анна поинтересовалась у него, не повредит ли столь демонстративная встреча конспирации. В ответ посольский разведчик лишь усмехнулся.

– Я же помощник нашего атташе по культуре, так что встретить корреспондентов нашего телевидения моя прямая обязанность. Тем более после недавнего теракта.

Слова о чудовищном теракте в Приштине, унесшем жизни семи работников российского консульства и четырех югославских граждан, прозвучали как-то уж чересчур обыденно. Анна даже поморщилась. Однако Соболев не стал заострять на этом внимание.

– К делу, – сказал он. – Кто занимается расследованием обстоятельств взрыва?

– Местная полиция. Но на них надежды мало, – со вздохом заметил Сиротин. – Захотят, передадут нам собранные материалы, а не захотят, нет. С тех пор как Косово получило авто-

номию, они и Белград не очень-то жалуют. Правда, при взрыве погибли двое полицейских, охранявших консульство. Может быть, гибель коллег заставит косовскую полицию проявить усердие.

– Наши официальные лица участвуют в расследовании? – задал следующий вопрос Соболев.

– Шеф направил в Приштину своего первого зама. Но что тот может. Ведь официально мы не имеем права вести оперативно-разыскную деятельность в стране пребывания. Так что вся надежда на вас, независимых журналистов. Вам забронирован номер в отеле на площади, как раз напротив нашего консульства. Отель тоже пострадал от взрыва, но хозяйка все равно сдает номера постояльцам. Были бы желающие. – Сиротин улыбнулся. По мнению Анны, совершенно не к месту. – Машину можно взять напрокат в Белграде, – продолжал он. – С этим проблем нет. Я бы и сам мог, но не знал, какая вам нужна.

– С этим мы сами справимся, – заверил посольского шнурка Соболев. – Только оставь нам адреса нескольких прокатных агентств...

У Сиротина оказались с собой несколько рекламных буклетов с адресами и телефонами белградских фирм по прокату автомобилей, которые он и вручил Соболеву. После этого мужчины проболтали еще около получаса. Ничего заслуживающего внимания за это время Сиротин не сообщил, очевидно, все интересное рассказал раньше. Тем не менее Анна терпеливо слушала его, ожидая момента, когда посольский работник наконец уйдет и можно будет наконец принять душ и вообще привести себя в порядок после дороги, как подобает стильной журналистской штучке.

* * *

Только на душ времени и хватило. Когда Анна вышла из ванны в одной футболке, надев на голое тело, и с полотенцем, обернутым вокруг бедер, Соболев сидел за столом и накручивал диск телефона (еще при первом осмотре комнаты Анна обратила внимание, что телефон на конспиративной квартире старого образца, с дисковым номеронабирателем). Не прекращая своего занятия, Соболев лишь мельком взглянул на нее, хотя не мог не заметить ее твердых сосков, проглядывающих сквозь тонкую ткань футболки, и сказал:

– Поспеш. Нужно успеть взять машину до закрытия прокатных фирм, чтобы к утру быть в Приштине.

Анна поняла, что все ее планы в отношении себя и Соболева на ближайшую ночь, которые она выстраивала, стоя под душем и старательно намыливая тело душистой пеной, безнадежно рухнули. Вместо любви и страсти, которым, как она надеялась, они будут предаваться всю ночь, твердо зная, что на конспиративной квартире их никто не побеспокоит, им придется трястись по пыльным сербским дорогам в косовскую Приштину.

Они стали любовниками через четыре месяца работы Анны в новой должности. Соболев пошел на близость легко и даже охотно, но – Анна не хотела себя обманывать – все-таки это произошло по ее инициативе. Она знала, что у Соболева жена и ребенок, которых он никогда не бросит. Да она и сама бы ему этого не позволила. Еще чего, разрушать семью! Но в редкие моменты он принадлежал только ей, и Анне было этого достаточно. Из-за напряженной службы Соболева и его внезапных командировок встречаться им удавалось нечасто. Обычно это происходило где-нибудь на даче или на квартире какого-нибудь соболевского приятеля, который по-дружески одалживал ему ключи от своего жилья. При этом всякий раз приходилось довольствоваться быстрым сексом. Нет, Соболев был замечательным любовником. За те несколько часов, когда они принадлежали друг другу, Анна умирала и вновь воскресала в его объятиях бесчисленное множество раз. Угнетало лишь то, что сразу после безудержной и страстной любви им приходилось вновь расставаться. Поначалу Анну это даже возбуждало, но

со временем стало угнетать. Она мечтала о совместном ужине при свечах, неторопливом разговоре, когда никому из них не нужно никуда спешить. Даже возможность провести целую ночь в постели в обнимку с любимым, ощущая кожей тепло его дыхания, представлялась ей несбыточным счастьем. Анна так надеялась в этой командировке воплотить свои мечты в реальность, но Соболев решил иначе. И спорить с ним было бесполезно. Поэтому, грустно вздохнув, Анна начала одеваться.

– Ни черта невозможно выяснить по телефону! – раздался за спиной его сердитый голос. – Менеджер даже не может внятно сказать, какие у них есть машины. Придется ехать к ним и самим разбираться на месте. Хорошо хоть объяснил, где они находятся.

Слушая его гневную тираду, Анна улыбнулась. Сербский она знала гораздо лучше Соболева. Тот лишь неплохо понимал разговорную речь, хуже читал и весьма посредственно говорил. Анна же читала и переводила свободно и могла довольно неплохо общаться – во всяком случае, то, что пытался объяснить по телефону менеджер прокатной фирмы, поняла бы без труда. Изучать сербский она начала еще в институте после того, как по предложению Соболева взялась за написание курсовой работы о языках южных славян, и меньше чем за три года овладела им – помогла мамина школа. Именно поэтому ее и включили в состав группы.

Сменив влажную футболку на не менее сексапильную блузку, Анна повернулась к Соболеву.

– Ну, я готова.

– Готова? – Соболев поднялся со стула. На этот раз он чуть дольше задержал на ней взгляд. Наконец-то! Все-таки заметил в ней женщину. – Тогда идем. Тут недалеко, я посмотрел по карте, всего два квартала.

Довольная тем, что произвела на начальника впечатление, Анна с готовностью присоединилась к нему.

Среди предлагаемых в прокатной фирме автомобилей Соболев выбрал «Шкоду Фабия» прошлого года выпуска. Менеджер просил за нее столько же, сколько за пятилетний «Гольф» или четырехлетнюю «Мазду». «Мазда» выглядела, конечно, красивее, но Соболев отдал предпочтение «Шкоде», посчитав, что в дальний путь лучше отправляться на новой машине. Забрав автомобиль со стоянки, он удивил Анну, предложив ей самой сесть за руль. Водительские права она получила меньше года назад и хотя, по собственному мнению, водила неплохо, никак не ожидала, что Соболев доверит ей управление машиной в незнакомой стране. Однако иллюзия продолжалась недолго. После того как они, забрав из квартиры свои вещи, выехали на трассу, Соболев снова предложил Анне поменяться местами. Пришлось подчиниться – с начальником не поспоришь.

Пока не стемнело, Анна с удовольствием смотрела по сторонам, изучая сербские пейзажи. Дорога шла вдоль многочисленных поселков, сменяющих друг друга, из-за чего окрестности Белграда напомнили Анне Подмоскovie. На глаза то и дело попадались аккуратные коттеджи, правда, не такие массивные, как московские. И еще Анна обратила внимание, что сербы не прячут свои дома за неприступными глухими заборами, из-за чего их жилища выглядели приветливо и дружелюбно. И это несмотря на то, что гражданская война в стране закончилась всего несколько лет назад, а кое-где взрывы гремят и поныне.

По мере удаления от столицы поселки стали встречаться все реже. Их сменили живописные холмы с не менее живописными зелеными рощами. Но Анна недолго любовалась окружающей природой. Скоро стемнело, и смотреть стало не на что. Хорошо хоть встречные машины не слепили своими фарами. Анна закрыла глаза и под мерное ворчание движка и доносящийся из автомагнитолы ночной блюз вскоре уснула.

Когда она вновь открыла глаза, вокруг было уже светло. Машина ехала по узким городским улочкам. Анна спросонок потянулась.

– Где мы?

– В Приштине, – улыбнулся в ответ Соболев. – С добрым утром, штурман!

– Почему штурман? – удивилась Анна.

– Возьми в бардачке карту города и посмотри, где нам сворачивать, – объяснил он.

Анна зевнула, потом потеряла переносицу, прогоняя дремоту, после чего все-таки достала карту.

– Мы сейчас где? – уточнила она.

Соболев сбросил газ и скосил глаза на карту, чтобы указать ей местоположение, но его помощь не понадобилась. Анна уже сама прочитала промелькнувшее на фасаде название улицы.

– Через два квартала налево, – сориентировавшись, сообщила она.

Площадь, где располагалось российское консульство, они отыскивали без труда. Даже спустя несколько дней после взрыва обрушившееся здание дипмиссии выглядело жутко. Спасатели успели разобрать завалы, и обнажившиеся после обрушения фасада плиты межэтажных перекрытий напоминали торчащие наружу кости скелета. Но над уцелевшей частью здания все равно развевался российский триколор, указывая на то, что работа дипмиссии по-прежнему продолжается. Еще один флаг Анна увидела на опорном столбе въездных ворот. Сами ворота сорвало взрывом, и сейчас вместо них был установлен временный шлагбаум. Консульство еще не открылось, и когда Соболев остановил рядом машину, охраняющий въезд полицейский в бронежилете и каске нетерпеливо махнул жезлом – проезжай. Им пока нечего было делать в консульстве, поэтому Соболев беспрекословно подчинился, направив машину к расположенной напротив гостинице.

В столь ранний час постояльцев видно не было, но хозяйка гостиницы, сухоощавая, элегантно одетая женщина лет сорока с лицом классной дамы, оказалась на месте. Она сидела за стойкой, углубившись в изучение каких-то бумаг, но когда висящий над дверью колокольчик мелодичным звоном известил о появлении гостей, сейчас же подняла на вошедших приветливый взгляд. Взяв на себя роль старшей телевизионной группы, Анна первой подошла к ней, назвала вписанную в служебный паспорт фамилию и сообщила, что для нее с оператором должен быть забронирован номер.

Улыбка на лице хозяйки стала еще шире.

– Да-да, конечно, – энергично закивала головой она. – Отдельный номер, очень удобный, с просторной ванной комнатой и спальней. Правда, мы ждали вас только во второй половине дня, поэтому там еще не успели прибраться. Но вы не волнуйтесь. Это не займет много времени. Я немедленно распоряжусь. Присядьте пока в холле...

По-русски она говорила довольно бойко. Анна даже удивилась. Если и остальные жители Приштины так же хорошо изъясняются на русском языке, ее знание сербского может и вовсе не пригодиться.

– Так я заносу вещи? – прервал ее размышления вопрос Соболева.

Анна обернулась к нему. Перед ней стоял совершенно другой человек: взлохмаченный, усталый и, как и следовало ожидать, раздраженный после целой ночи за рулем. От ее прежнего начальника, вдумчивого и рассудительного, каким был Соболев до того, как выбрался из машины, не осталось и следа. Анна поразились мгновенно произошедшей в нем перемене, хотя при подготовке операции они многократно репетировали свои роли. Оставалось только надеяться, что ее собственная игра в глазах хозяйки гостиницы не менее убедительна.

– Да, заноси. Только с камерой поосторожней, – ответила Соболеву Анна и быстро взглянула на сидящую за стойкой женщину.

Но та была занята телефоном.

– ...Мне плевать, что ты еще не накрасилась, – сердито сказала она в трубку по-сербски. – Живо отправляйся в восьмой номер, застели кровать и не забудь повесить в ванной полотенца. Журналисты наверняка хотят принять душ и отдохнуть с дороги... Я сказала: живо, иначе

вылетишь отсюда в два счета! Не надейся, что я буду держать тебя здесь только потому, что ты строишь глазки моему сыну!

Однако! Анна даже удивилась. Оказывается, хозяйка гостиницы со своими работниками бывает очень даже строгой. Та как раз закончила разговор и уже вновь мило улыбалась.

– Сейчас все будет готово. Вы на машине? – без перехода спросила она. – Мой сын покажет вам, куда ее поставить. У нас на заднем дворе прекрасная стоянка.

Через несколько минут в холле появился молодой человек – на взгляд Анны, ничего интересного. Долговязый, немного сутулый, да еще и небритый.

– Пойдемте. Я покажу вам нашу гостиничную стоянку, – невнятно пробурчал он.

Анне стало любопытно, справится ли Соболев без ее перевода. Но тот отлично понял парня и, лениво поднявшись с установленного в холле дивана, затрусил за ним. Когда они вернулись, хозяйка жестом подозвала сына к себе и что-то прошептала ему. Анна не разобрала всех слов, лишь услышала, как она дважды произнесла имя Милка. Очевидно, так звали нерасторопную горничную. Парень тут же удалился, а когда спустя десять минут вновь появился в холле, хозяйка объявила, что гости могут вселяться.

Соболев подхватил сумку с видеокамерой и зачехленную треногу. Сыну хозяйки, исполняющему роль гостиничного носильщика, достались сумки с их личными вещами. И они все втроем направились к лестнице. Восьмой номер, который назвала хозяйка в телефонном разговоре, располагался на втором этаже. Оттуда как раз вышла черноволосая пышногрудая девица – надо полагать, та самая горничная Милка, в таком коротком халатике, что стоило девушке лишь немного нагнуться, он должен был открыть ее ноги вместе с трусиками до самой талии. Ноги у нее были прямые и крепкие, но, на взгляд Анны, немного коротковаты. Хотя, возможно, такое впечатление складывалось из-за тапочек-вьетнамок на тонкой подошве, которые были на ногах девушки. На хозяйского сыночка Милка даже не взглянула, зато в Соболева метнула полный откровенности взгляд, да еще и многозначительно улыбнулась при этом. Анна презрительно фыркнула, чтобы эта гостиничная красотка знала свое место. Хотя ее выставленные напоказ прелести и откровенный взгляд не могли произвести на Соболева никакого впечатления, после встречи с горничной настроение у Анны сразу испортилось. Возможно, поэтому она дала хозяйскому сыну на чай целых два евро, хотя и не собиралась этого делать.

Расписанный хозяйкой номер оказался так себе, ничего особенного. Письменный стол с зеркалом, пуфик, два легких кресла, маленький телевизор, скорее полутора– спальная, чем двухспальная кровать, да встроенный шкаф – вот и вся обстановка. Вместо ванны душевая кабина, биде нет и в помине, хорошо хоть раковина оказалась большая. Самым ужасным оказался вид из окна – на задний двор с автомобильной стоянкой. Сейчас там стояло три автомобиля, все с местными номерами. Взятая напрокат «Фабия» должна была стать четвертой. По лицу Соболева, который выглянул в окно вместе с ней, Анна поняла, что ему вид тоже не понравился.

– Зато машина будет под присмотром, – попробовала пошутить Анна.

Соболев в ответ рассеянно кивнул, но так ничего и не ответил.

Анна решила, что он просто устал в дороге, поэтому предоставила начальнику право первому принять душ, а сама занялась разбором вещей. Она предполагала, что прежде чем приступить к выполнению задания, они хотя бы пару часов отдохнут. Но когда она сама вышла из душа, Соболев уже ждал ее с расчехленной видеокамерой.

– Самое время снять место взрыва, пока на улице мало прохожих, – объяснил он свои намерения. – А там и работники консульства подойдут.

Анна восхищенно улыбнулась. Что ни говори, если она хочет чему-то научиться у Соболева, ей нужно тренировать свою выносливость.

По большому счету, на месте взрыва делать ей было нечего – эта часть задания целиком поручалась Соболеву. В роли оператора он добросовестно снял на видеокамеру разрушен-

ное здание консульства, площадь и соседние строения. Расположенная напротив консульства гостиница пострадала от взрыва, пожалуй, меньше других зданий, но ей Соболев уделил едва ли не основное внимание, скрупулезно сняв обращенный к площади фасад. Появление на улице двух людей с видеокамерой поначалу насторожило косовских полицейских. Но после того как Анна объяснила, что они российские журналисты, предъявив полицейским командировочное удостоверение, те сменили свой гнев на милость и за дальнейшей работой журналистов наблюдали с неподдельным любопытством. Чтобы в точности соответствовать легенде, Анна попросила Соболя записать ее короткий репортаж на фоне разрушенного здания консульства. Затем попыталась взять интервью у полицейских, но до сегодняшнего дня те несли службу в совсем другой части города, поэтому ничего существенного о взрыве сказать не смогли. Пока Анна разговаривала с полицейскими, стали прибывать работники консульства. Большинство пришло пешком. Только несколько дипломатов, включая исполняющего обязанности главы дипмиссии вместо погибшего консула, приехали на машинах. Самое время было переговорить с ними, но Соболев продолжал упорно снимать выходящие на площадь окна гостиницы. Зачем ему это понадобилось, было совершенно непонятно. Однако Анна не стала его торопить, дав ему возможность до конца закончить видеосъемку.

Площадь постепенно оживала. Вслед за спешащими на работу служащими показались и праздные прохожие. Захлопали двери открывшихся лавок, а за столиками уличного бистро появились первые клиенты. Глядя на них, Анна внезапно почувствовала жуткий голод. За делами она совершенно забыла о завтраке, но стоило увидеть с аппетитом жующих людей, как голод тут же напомнил о себе. Анна как раз раздумывала, не присоединиться ли ей к завтракающим горожанам, когда к ней подошел Соболев.

– Я закончил. Пойдем переговорим с работниками консульства.

Вопрос разрешился сам собой. Анна с завистью взглянула на посетителей уличного бистро и вместе с Соболевым направилась к консульству.

* * *

Чтобы не раскрывать своей принадлежности к военной разведке, на доклад к специально прибывшему из Белграда заместителю военного атташе, являющемуся также заместителем резидента ГРУ, Анна и Соболев отправились после того, как переговорили с большинством сотрудников консульства. Зам резидента подполковник Бояринов мало походил на фотографию из своего личного дела, которую помнила Анна. С годами Бояринов погрузнел, а слегка обозначившиеся на фотографии залысины превратились в откровенную плешь. Судя по возрасту, он лет пять переживал в последнем звании. А теракт в Косове, который не сумела предотвратить резидентура ГРУ, наверняка окончательно положил конец его служебной карьере. Появление представителей Центра подполковник встретил без особого энтузиазма, так как ничего хорошего с их приездом для себя не ждал.

Первым делом Соболев, как старший группы, должен был доложить Бояринову о прибытии, но его остановило присутствие в кабинете подполковника постороннего мужчины. Анна помнила фотографии всех сотрудников югославской резидентуры ГРУ, но этого человека среди них не было. Незнакомцу на вид было около сорока лет, хотя Анна допускала, что он может быть и старше. Его темные с проседью волосы были аккуратно уложены волосок к волоску и разделены прямым пробором. Он сидел вполоборота к двери, поэтому Анна не смогла целиком рассмотреть его лицо, но отметила высокий лоб незнакомца, тонкий хрящеватый нос и плотно сжатые губы. Черты лица Соболева были крупнее, из-за чего он выглядел мужественнее, но и в лице этого человека было что-то такое, что притягивало к себе взгляд. И еще у него определенно был вкус к выбору одежды. Его темный, безупречно отглаженный костюм сидел на нем как влитой, чего нельзя было сказать о мятом костюме Бояринова. В этот

момент мужчина повернул голову, и Анна встретила с его пронзительными голубыми глазами. «Кто-то из сотрудников СВР. Возможно, даже шеф резидентуры», – глядя в глаза незнакомца, решила она, и, как оказалось, ошиблась.

– Знакомьтесь. Полковник Егоров, старший оперуполномоченный из управления по борьбе с терроризмом, – представил гостя Бояринов. – По линии ФСБ осуществляет взаимодействие с местной полицией.

Анна удивилась, но только в первый момент. Следовало ожидать, что Федеральная служба безопасности не останется безучастной к зверскому убийству российских дипломатов. Так что появление в Косове полковника ФСБ выглядело вполне закономерным.

Фээсбэшник пружинисто поднялся со стула.

– Андрей Геннадьевич. – Он кивнул Анне, после чего протянул руку Соболю.

– А вы, надо полагать, капитан Соболев и лейтенант Воротова? – уточнил Бояринов.

– Так точно, товарищ подполковник, – живо отреагировал Соболев.

Бояринов указал на приставной стол.

– Тогда присаживайтесь. Полковник как раз знакомил меня с материалами расследования косовской полиции. – И, обратившись к фээсбэшнику, добавил: – Андрей Геннадьевич, прошу вас, повторите все еще раз для моих коллег.

– Разумеется. – Егоров утвердительно кивнул.

Он был самым старшим по званию, но держался без демонстративного превосходства. Это понравилось Анне.

– В первую очередь теракт выгоден сепаратистам из Освободительной армии Косова, стремящимся дестабилизировать обстановку в крае, спровоцировав тем самым ввод коалиционных сил ООН. После чего при поддержке Запада добиться окончательного отделения Косове от Югославии.

У Егорова оказался внятный, хорошо поставленный голос. Анна решила, что ему часто приходится выступать на различных совещаниях.

– Теперь об исполнителях теракта, – продолжал он. – Полиция установила личность водителя, который управлял начиненным взрывчаткой фургоном. Это некий Анджей Лодер, двадцати лет, хорошо известный краевой полиции как один из самых ловких приштинских автоугонщиков. Примечательно, что Лодер никогда не состоял ни в каких экстремистских организациях и никак не подходил на роль террориста-смертника. Двое его близких знакомых на допросе в полиции показали, что в последнее время он испытывал острую необходимость в деньгах. По их словам, на Анджее висел крупный долг. Поэтому я считаю, что водитель фургона был нанят втемную для исполнения теракта. При этом он понятия не имел, чем это для него закончится.

– Но если погибший водитель не террорист-смертник, значит, исполнителем был кто-то другой? – заметила Анна и тут же устыдилась своего вопроса: спросила об очевидном.

Однако вместо ожидаемой снисходительной усмешки она увидела в глазах Егорова живой интерес.

– Совершенно верно, – ответил он. – Я тоже считаю, что истинным исполнителем и организатором теракта был другой человек, который в нужный момент и взорвал начиненный взрывчаткой фургон. Правда, полицейские эксперты не обнаружили на месте взрыва компонентов радиоприемных устройств. Тем не менее я склоняюсь к версии, что в машине сработал радиоуправляемый фугас. Отсутствие же деталей радиовзрывателя скорее говорит о мастерстве изготовителя фугаса.

Выслушав фээсбэшника, Бояринов перевел взгляд на расположившихся по другую сторону стола Анну и Соболя.

– У вас есть что-нибудь добавить?

– Так точно, товарищ подполковник, – слегка откашлявшись, ответил Соболев. – Я согласен с мнением коллеги, – он кивнул в сторону Егорова, – что мы имеем дело с высококласным взрывником. Для теракта было использовано взрывное устройство кустарного производства. Тем не менее подрывник сумел добиться направленного распространения взрывной волны. Уверю вас, что изготовить кустарным способом фугас направленного действия чрезвычайно сложно. Для этого необходимо обладать специальными знаниями. К тому же в момент подрыва фугаса террорист должен был соотнести с направлением распространения взрывной волны взаимное расположение машины консула и начиненного взрывчаткой фургона. Все это также говорит о его богатом опыте в устройстве взрывов.

При этих словах Бояринов нахмурился.

– Прежде косовские боевики не отличались столь тщательной подготовкой терактов.

– Вероятно, в этот раз они привлекли специалиста со стороны – наемника, – заявил в ответ полковник Егоров.

* * *

– Как тебе он? – шепотом спросила у Соболева Анна, когда они вышли из кабинета Бояринова.

– Кто? – рассеянно ответил тот, погруженный в свои мысли.

Анна дернула его за рукав.

– Егоров!

К счастью, полковник ушел раньше и этого разговора слышать не мог.

– А-а, – Соболев пожал плечами. – Толковый мужик.

Анна напрасно ждала продолжения. Его так и не последовало. Она снова хотела завести разговор о полковнике, но Соболев неожиданно сказал:

– Нужно выяснить, не выезжал ли кто-нибудь из постояльцев гостиницы сразу после взрыва. Попробуй разговорить хозяйку.

– Ты думаешь, что организатор теракта жил в нашей гостинице?!

Соболев выразительно покачал головой.

– А почему нет? Чтобы взорвать фугас в нужный момент, подрывник должен был видеть начиненный взрывчаткой фургон и подъезжающий автомобиль консула. – Они как раз прошли мимо шлагбаума, перегораживающего подъезд к консульству, и вышли за ограду. Соболев поднял голову и указал взглядом на расположенную на противоположной стороне площади гостиницу. – Смотри. Лучшего наблюдательного пункта, чем эта гостиница, просто не найти. Вся площадь как на ладони.

Анна проследила за направлением его взгляда. Действительно, как это ей самой не пришло в голову.

– Тогда что же мы стоим?

Соболев улыбнулся.

– Веди. Ты же у нас корреспондент, а я всего лишь оператор.

Хозяйка гостиницы сидела на прежнем месте, за стойкой. Интересно, она когда-нибудь выходит оттуда? Кроме нее, в холле больше никого не было. Анна подошла ближе. Женщина подняла на нее глаза, изобразив на лице дежурную улыбку.

– Вам что-нибудь нужно?

– Нет... точнее, да, – поправилась Анна.

Она обернулась к Соболеву, ища у него подсказки, но он, как назло, уже поднялся наверх. Пришлось налаживать контакт самой.

– Мы российские журналисты, – начала Анна. – Делаем репортаж о недавнем взрыве у нашего консульства.

– О да. Такая трагедия. – Хозяйка стерла с лица улыбку и сочувственно закивала головой. – Я слышала, погибло более десяти человек.

– Семь наших дипломатов, двое полицейских и женщина с ребенком, проходившие в этот момент по улице, – уточнила Анна. – А из ваших сотрудников или гостей никто не пострадал? Ведь гостиница находится совсем рядом.

– Да. – Хозяйка сокрушенно кивнула. – Такое красивое место: площадь, самый центр города. Я никак не ожидала, что здесь будут устраивать взрывы. Раньше в сезон свободных номеров не было, а теперь, сами видите, – гостиница практически пустует. Я несу сплошные убытки.

– После взрыва туристы разъехались? – подвела Анна женщину к нужной теме.

– Да, почти все разъехались. – Хозяйка грустно вздохнула. – Один испанец даже ключ от номера не вернул. Так торопился.

Анна сделала мысленную зарубку.

– А когда он уехал?

– Сразу после взрыва. Я его даже и не видела.

– Так, может быть, его ранило и он поспешил в больницу?

– Что вы?! – Хозяйка всплеснула руками. – Из наших постояльцев никто не пострадал. Правда, несколько человек порезались осколками стекла. Но ничего серьезного, – поспешно добавила она. – Врач, который их осматривал, так и сказал.

– А где жил этот испанец? – спросила Анна, опасаясь, что хозяйка гостиницы ей не ответит.

Но та не считала нужным это скрывать.

– В пятом номере, недалеко от вас. Сейчас там, как и в остальных номерах, которые выходят окнами на площадь, никто не живет.

«Почти напротив, – для себя уточнила Анна. – Соболю это наверняка будет интересно».

– Но он вам хотя бы заплатил за проживание?

Как и следовало ожидать, вопрос о деньгах вызвал у хозяйки живой интерес.

– Я всегда беру деньги вперед. Это мое правило, – с достоинством ответила она. – Сейчас развелось столько мошенников, даже среди иностранных туристов.

– Неужели ваш испанский гость походил на мошенника?! – с удивлением воскликнула Анна.

Женщина пожала плечами:

– Назвался бизнесменом. А там кто его знает. По-моему, его бизнес – соблазнять состоятельных женщин и вытягивать из них деньги. Меня он так и обжигал взглядом. Но я не попадаюсь на подобные уловки!

Анна придвинулась ближе. Разговор становился все более доверительным.

– А вы уверены, что он испанец?

– А как же?! – Хозяйка гостиницы даже удивилась столь наивному вопросу. – Я же видела его паспорт.

Анна прикусила язык. Действительно! Уж можно было догадаться, а еще назвалась корреспондентом. Правда, если это тот, кто им нужен, то паспорт у него наверняка фальшивый. Для полноты информации следовало выяснить имя подозрительного туриста, но Анна не придумала способа, как это сделать. Задав хозяйке гостиницы еще несколько общих вопросов и поблагодарив женщину за интервью, Анна отправилась к Соболю, чтобы сообщить ему о результатах.

К ее удивлению, Соболя в номере не оказалось, хотя она своими глазами видела, как он поднялся вверх. Ей стало интересно, где он может быть, и она решила отправиться на поиски, но когда вышла в коридор, ее взгляд остановился на двери с медной цифрой «пять». Анна приблизилась, с любопытством осматривая дверь, словно это могло помочь получить ответ

на вопрос: кем в действительности является останавливавшийся в номере турист? Из номера доносились какие-то непонятные звуки, хотя, по словам хозяйки, сейчас там никто не жил. Анна приложила ухо к двери. Так и есть! Шорох, напоминающий шелест одежды, и чей-то приглушенный шепот. Анна нажала ручку, аккуратно приоткрыла дверь и заглянула в номер. Заглянула и остановилась как вкопанная, пораженная увиденным. В номере находился Соболев, да не один, а со смазливой горничной Милкой. Прижав девицу к стоящему у окна письменному столу, он жадно шарил руками по ее форменному халатику, из которого буквально рвались наружу все ее прелести. Горничная тоже не оставалась безучастной. Она нетерпеливо елозила задом по краю стола и, похоже, пыталась запустить руку Соболеву в штаны. Это окончательно вывело Анну из себя. Она резко распахнула дверь, так что та ударилась о косяк, и возмущенно воскликнула:

– Что здесь происходит?!

Все и так было ясно. Тем не менее Анна хотела, нет – она жаждала получить ответ. Увидев ее, горничная испуганно пискнула, выскользнула из объятий Соболева и, не тратя время на то, чтобы одернуть задравшийся халатик, вылетела за дверь.

Оставшись наедине с Соболевым, Анна сурово взглянула ему в глаза.

– Я жду объяснений!

Но он и не думал смущаться.

– Подойди сюда. Только сначала прикрой дверь.

Вот наглость! Он еще смеет командовать! Анна захлопнула дверь и решительно подошла к нему. Просто интересно, что он собирается сказать в свое оправдание.

Вместо объяснений Соболев расправил на окне занавеску и указал на широкий горизонтальный разрез.

– Нам повезло, что хозяйка не успела заменить шторы в пострадавших от взрыва номерах.

Анна перевела на него возмущенный взгляд.

– И после того как я застала тебя здесь с этой шалавой, ты мне говоришь о каких-то шторах?!

Соболев удивленно посмотрел на нее и вдруг заливисто рассмеялся.

– Так ты решила, что я затащил сюда Милку, чтобы соблазнить ее? – отсмеявшись, спросил он.

«Ее и соблазнять не надо, у нее все на лице написано», – зло подумала Анна.

– А как, по-твоему, я мог убедить ее открыть номер, чтобы осмотреть его?

Анна уже поняла, что сделала из увиденного совершенно неверный вывод. Но обида в душе осталась.

– Но ты же откровенно лапал ее? – всхлипнула она.

Соболев сурово взглянул на нее.

– Потому что все, что мы делаем, должно быть убедительно. Запомни: мы на задании. И здесь не место личным обидам. – Он уже не улыбался. – Нужно выяснить, кто жил в этом номере.

– Я уже выяснила, – опустив глаза, ответила Анна. – По мнению хозяйки, заезжий испанский жиголо, который исчез из гостиницы сразу после взрыва.

– Жиголо, которому понадобилось прорезать в шторе смотровую щель, – повторил вслед за ней Соболев. – Это наш подрывник, вне всякого сомнения.

* * *

Итоговое совещание, как и в прошлый раз, начал Егоров, хотя на этот раз полковник пришел позже остальных. Анна и Соболев почти час ждали его в кабинете Бояринова.

– Полиции не удалось установить личность испанца, – начал он, скупой извинившись за опоздание. – Человек с такими документами никогда не въезжал в Югославию и, соответственно, не выезжал из страны. Очевидно, он не рискнул показывать при пограничном контроле паспорт, который позже предъявил хозяйке гостиницы, или вообще прибыл в страну нелегально...

Анна поморщилась. Егоров держался так, словно это не они с Соболев, а он вышел на след таинственного испанца и обнаружил его наблюдательный пункт. Хотя, по большому счету, его роль свелась к передаче в полицию полученных в ходе их «журналистского расследования» сведений. Как и в предыдущий раз, полковник явился на совещание в свежей сорочке и идеально отглаженном костюме, источая вокруг себя тонкий аромат туалетной воды. Но сейчас его внешний вид и аристократические манеры раздражали Анну. Она невольно сравнила фээсбэшника с просиживающим в кабинете руководителем, за которого подчиненные делают всю черновую работу.

В душе Анна понимала, что фээсбэшник тут ни при чем. Виной ее плохого настроения является отнюдь не Егоров, а подсмотренная ею отвратительная сцена с участием Соболя и гостиничной горничной. Все, что сказал ей Соболев тогда в номере, было правильным. Тем не менее своим поведением он разрушил ее наивные и романтические представления о работе разведчика, из-за которых, собственно, она и выбрала службу в ГРУ. И еще Анне не давал покоя вопрос, как бы поступил с горничной Соболев, если бы она не застала их вдвоем в том злополучном номере. Анна пыталась убедить себя, что, что бы ни произошло между Соболев и горничной, это не было бы изменой по отношению к ней. Она Соболю не жена, а коллега, к которой он хорошо относится и даже иногда с ней спит ради... Ради чего? Анна впервые задумалась над этим вопросом. Как бы он к ней ни относился, но это точно не любовь. Он ее не любит и никогда не любил – это следует признать. Вывод напрашивался сам собой – Соболев пошел на близость, чтобы доставить себе и ей удовольствие, а также для установления более доверительных отношений, необходимых при совместной работе. Прошлой ночью, когда они занимались сексом, Анна не получила удовольствия, которое испытывала прежде. Она думала, что теперь так будет всегда. Да и стоит ли продолжать их отношения, если они построены не на любви?

– Вы согласны? – Внезапный вопрос Бояринова прозвучал как продолжение ее собственных мыслей.

Анна вскинула голову. Оказывается, Егоров уже закончил свой доклад, и теперь Бояринов интересовался их мнением. К счастью, он адресовал свой вопрос не ей, а Соболю.

– То, что полиция передала описание взрывника на пограничные посты, вряд ли поможет в его розыске, – ответил Соболев. – Скорее всего, он покинул страну сразу после теракта.

– В полиции придерживаются того же мнения, поэтому розыск террориста осуществляется формально, – заявил Егоров. – Фактически полицейские уже расписались в своем бессилии.

– Что еще, по вашему мнению, можно сделать для установления местонахождения виновных? – обратился к нему Бояринов.

– Если вы имеете в виду заказчиков теракта, то на них выйти можно через агентуру, – быстро заговорил Егоров. – Установить через доверенных лиц, кто в руководстве Освободительной армии Косова занимался подбором исполнителя, кто переводил ему деньги, с кем он в Косове поддерживал отношения. Наконец, нужно отработать канал получения взрывчатки. Ведь кто-то доставал ее, а затем передал взрывнику. Прессованный гексоген не применяется в гражданском строительстве. Это взрывчатое вещество исключительно военного назначения. Значит, источник его получения нужно искать где-то на армейских складах. Выйти на исполнителя несравненно сложнее. Но пути есть. Прежде всего необходимо установить, где еще он оставил свой след. Взрыв в Приштине наверняка не единственный совершенный им теракт.

Чтобы достигнуть такого мастерства, у него должна быть обширная практика. Следует также поработать в отношении выяснения его личности. Почему он воспользовался испанским паспортом? Ведь внешность не является определяющим фактором. С таким же успехом он мог выдать себя за жителя любой европейской страны. Я справлялся в полиции: больше всего иностранцев приезжает в Югославию из Германии и соседних с ней Венгрии и Румынии. Среди всех иностранных туристов испанцев едва ли не меньшинство. Думаю, основная причина – язык. Скорее всего, взрывник родом из испаноговорящей страны. Вот основные направления розыска организаторов теракта, которые приходят на ум. Возможно, если как следует подумать, смогу назвать еще.

– Что ж, спасибо за помощь, Андрей Геннадьевич, – выслушав Егорова, поблагодарил Бояринов.

– Лишь бы она оказалась полезной, – ответил тот, поднявшись со стула. – Возможности нашей службы за рубежом весьма ограничены, так что дальнейший розыск заказчиков и организатора взрыва придется вести вам.

Егоров пожал мужчинам руки, вежливо кивнул на прощание Анне и вышел из кабинета. Он явно лукавил, говоря о скромных возможностях своей конторы за границей. Тем не менее после того, как косовские полицейские прекратили розыск террориста, его миссия закончилась. Проводив фээсбэшника взглядом, Анна повернулась к заместителю начальника резидентуры ГРУ. Лицо Бояринова было мрачно-сосредоточенным.

– Товарищ подполковник, выявление характерных особенностей почерка взрывника мы можем взять на себя, – обратился к нему Соболев.

– В этом нет необходимости, – устало ответил Бояринов. – В девяносто седьмом году в Мехико при аналогичных обстоятельствах погиб наш военный атташе.

Соболев изумленно вскинул брови.

– Он же погиб в автомобильной аварии?!

– Да, только авария произошла в результате направленного взрыва радиоуправляемого фугаса, установленного на обочине дороги, по которой проезжала его машина. Наш резидент догадывался, что ему угрожает опасность, поэтому при перемещении по городу всякий раз выбирал произвольный маршрут. Подрывник не мог знать, каким путем он в тот день поедет. Я до сих пор не понимаю, как убийце удалось организовать покушение. – Бояринов вынул из ящика стола нераспечатанную пачку сигарет и принялся вертеть ее в руках. – На нашего атташе в Мексике замыкалась очень важная и ответственная операция по агентурному проникновению в штаб-квартиру ЦРУ. С его гибелью операция провалилась. Позже мы выяснили, что американцы располагали обрывочными сведениями о готовящейся операции. В том числе им была известна личность руководителя. Так что убийство нашего атташе, скорее всего, было организовано ЦРУ. – Бояринов наконец распечатал сигареты и нервно закурил.

Анна впервые услышала про описанный им случай. В девяносто седьмом году она еще только заканчивала школу и даже не помышляла о службе в военной разведке. Но сейчас она буквально взорвалась от возмущения:

– Выходит, подрывник – агент ЦРУ!

– Вот именно, – заключил Бояринов. – А своего агента ЦРУ нам не отдаст. Даже если мы представим неопровержимые доказательства его вины. Так что... – Подполковник помолчал. – Думаю, вам пора возвращаться домой.

– Нет! – Анна повернулась к Соболеву. – Если мы отступимся, то позволим ему убивать и дальше! Кто даст гарантию, что свой следующий удар он не нанесет в Москве?!

Соболев не отвечал. Его бездействие возмутило Анну.

– Что ты молчишь?! Разве я не права?! – От волнения она совершенно забыла, что на людях они договорились обращаться друг к другу на «вы».

Наконец Соболев поднял глаза и внимательно посмотрел на нее, но сказал совсем не то, что Анна ожидала услышать:

– Возвращаемся. Здесь нам действительно больше нечего делать.

Решение осталось за Соболевым, но Анна не собиралась скрывать своего недовольства. В гостинице она скинула в сумку свои вещи и даже не предложила свою помощь Соболеву, когда он возился с видеокамерой.

– Уже уезжаете? – с дежурной улыбкой поинтересовалась хозяйка гостиницы, когда они спустились в холл.

К счастью для развратной шлюшки Милки, она не попала на глаза, иначе Анна, не стесняясь в выражениях, высказала бы ей все, что она о ней думает. Соболев молча сносил ее выходки. Но когда они уселись в машину и тронулись в обратный путь, сам вернулся к волнующему вопросу:

– Я разделяю твоё желание покончить с террористом. Но чтобы это сделать, нужно сначала собрать о нем информацию: установить его личность, выяснить, где он скрывается, установить его связи. Пока нам известны два его преступления: недавний теракт в Косове и убийство нашего военного атташе в Мексике в девяносто седьмом году. Наверняка есть и другие. Ведь с девяносто седьмого года до настоящего момента он чем-то занимался. И я более чем уверен, что все это время он не разводил быков у себя на ранчо. Полковник Егоров прав: за ним наверняка тянется длинный и кровавый след.

Анна просияла.

– Так ты не отказался от мысли разыскать его?

Соболев откровенно взглянул ей в глаза.

– Конечно, нет. Кто бы ни стоял за ним, но он убил наших дипломатов. Такое преступление нельзя оставлять безнаказанным.

* * *

К специальному фонду секретного архива ГРУ Анну не допустили – стаж службы меньше года, занимаемая должность – младший офицер, ниже только курсанты военных училищ, так что аналитические отчеты зарубежных резидентур Соболев изучал в одиночестве. Чтобы не терять времени даром, Анна засела за Интернет. Зачастую то, чего не найдешь в самых секретных отчетах, можно обнаружить в открытых публикациях. Еще в Первую мировую войну в армейской разведке большинства воюющих держав ввели должность офицера, обязанностью которого был просмотр газет противника. В институте один из преподавателей описывал случай, когда таким образом даже удалось определить направление главного удара. Офицер, занимающийся анализом газетных публикаций, обратил внимание на короткую заметку, где говорилось о выступлении полкового духового оркестра в каком-то заштатном прифронтовом городке. По месту выступления оркестра аналитик и определил, где происходит концентрация войск противника перед будущим наступлением.

Помня об этом положительном примере, Анна взялась за изучение материалов Интернета. Отечественный ru.net отвергла сразу. Решила начать с Мексики. Во-первых, именно там впервые отметился таинственный взрывник, а во-вторых, изучение мексиканской прессы не требовало особого труда – благодаря маминой настойчивости испанский она выучила еще в детстве. Увы, время оказалось потрачено впустую. Анна перечитала массу статей, выуженных из глубин мексиканского раздела Интернета, но не нашла там ни одного упоминания о неуловимом взрывнике. Точно так же не дал результатов и анализ прессы Соединенных Штатов. И вот когда Анна уже совсем отчаялась, она наткнулась на статью, помещенную в электронной версии неизвестной колумбийской газеты. Не веря в свою удачу, Анна еще раз перечитала

выведенный на экран текст – две газетные колонки с крохотной фотографией, тут же скопировала статью на диск и бросилась разыскивать Соболя.

Он сидел в архиве, изучая очередной том с донесениями. При ее появлении Соболев сейчас же захлопнул лежащую перед ним папку. Но Анна так спешила поделиться с ним своим открытием, что даже не обиделась на проявленное по отношению к ней недоверие.

– Нашел что-нибудь? – спросила она, присаживаясь рядом.

Соболев кивнул на полученную в архиве папку.

– С сегодняшними материалами набирается шестнадцать эпизодов. А я пока просмотрел отчеты только за последние пять лет. Даже если наш взрывник имеет отношение лишь к половине из них, это доказывает, что в мире активно действует международный террорист, специализирующийся на организации взрывов.

– География?

– Весьма обширна: Италия, Франция, Испания, Турция, США, Доминиканская Республика, Панама.

– Россия? – на всякий случай уточнила Анна.

Соболев отрицательно покачал головой.

– Нет. Но, как ты понимаешь, это вопрос времени. С таким размахом рано или поздно он доберется и до нашей страны.

– Сколько, говоришь, у тебя набралось эпизодов, шестнадцать? – переспросила Анна и, не дожидаясь ответа Соболева, добавила: – Можешь добавить к ним еще десяток.

Он явно растерялся.

– О чем ты?

Анна решительно поднялась со стула.

– Пойдем. Сейчас я тебе такое покажу – ахнешь. – И, видя нерешительность Соболева, нетерпеливо добавила: – Да сдай ты уже свою папку.

Соболев действительно ахнул. Конечно, не в прямом смысле, а фигурально. Анна заметила по его сдвинутому к переносице бровям, что он взволнован не меньше ее. Она специально не стала торопить его с ответом, дав ему возможность прочитать статью до конца.

– Фотографию увеличить пробовала? – наконец спросил он.

Пришлось признаться, что нет. Соболев скопировал фотографию из газетного текста в окно редактора и, манипулируя компьютерной «мышью», увеличил масштаб.

– Слабое разрешение, – констатировал он, глядя на размытое изображение. – Но в целом под описание нашего взрывника подходит.

– Да он это! – не выдержала Анна. – Специальная подготовка, связь с ЦРУ, огромный боевой опыт и, наконец, как ты говорил, испаноговорящая страна!

– Это говорил не я, а Егоров, – уточнил Соболев.

Анна оставила его замечание без ответа.

– А что касается фотографии, то полагаю, у этого журналиста... – крутанув колесико «мыши», она подвела курсор к фамилии автора статьи, – Маркоса, имеется оригинал.

– Да, без встречи с этим журналистом, судя по всему, не обойтись, – констатировал Соболев. – Надо идти за санкцией к руководству. – Он обернулся к Анне: – Где есть хороший цветной принтер, чтобы распечатать статью с фотографией?

* * *

Анна решила, что не поедет в аэропорт провожать Соболева, – очень надо! Хотя в последние дни они практически не виделись. Соболев занимался оформлением своей командировки и к ней забегал крайне редко. Просто после Югославии в их отношениях наступил перелом. Соболев держался с Анной так, будто ровным счетом ничего не случилось. Но она знала: больше

они не будут вместе. Причем Соболев тоже это понимал, хотя и не подавал вида. Но главная причина была даже не в прекращении близких отношений, а в испытываемой Анной обиде. В Колумбию на розыски журналиста должна была лететь она! Ведь это она нашла в Интернете статью Маркоса, она раскопала прошлое неуловимого взрывника! Но руководство решило, что у Соболева больше опыта, словно в таком деле мог пригодиться боевой опыт командира группы специальной разведки. Такое впечатление, что Соболеву предстояло искать журналиста не в городе, а в колумбийской сельве.

Очевидно, желая смягчить клокотавшую в ней обиду, накануне своего вылета Соболев зашел к Анне в кабинет с коробкой шоколадных пирожных.

– Кофе угостишь?

Она поставила чайник, достала банку растворимого кофе. Соболев тем временем сноровисто расставил на столе чашки, между прочим, ее любимые, специально купленные для таких вот случаев, когда для нее не было ничего приятнее остаться с Соболевым наедине. От воспоминаний она расстроилась еще больше и, видимо, поэтому, когда поворачивалась, зацепила локтем одну из чашек, и та спикировала прямо на пол. Но Соболев молниеносно нагнулся и поймал чашку на лету. Он всегда отличался отменной реакцией. Но сейчас его ловкость ничуть, ну ни капельки не тронула Анну.

– Когда летишь? – спросила она, забирая из рук Соболева спасенную чашку.

– Сегодня ночью.

Даже раньше, чем она думала.

– Надолго?

Соболев пожал плечами:

– Как получится. Хотелось бы поскорее. Ребята из посольства пытались помочь. Оказалось, что в этой газете Маркос больше не работает. Так что придется повозиться.

За спиной раздался щелчок отключившегося чайника. Он неожиданности Анна даже вздрогнула.

– Ты там не рискуй понапрасну, – сказала она и отвернулась, чтобы снять чайник с подставки.

Ее слова лишь вызвали у Соболева улыбку.

– Какой риск? – усмехнулся он. – Я же отправляюсь на встречу не со взрывником, а всего лишь с журналистом, написавшим о нем статью.

Анна не ответила. Глядя себе в чашку, она старательно размешивала кофе. Для получения густой белой пены это было очень важно.

Глава 2

Красавица, фотомодел ь и бильярдная аферистка

По совету Кармен Собо ль вернулся в бар в полдень. Со вчерашнего вечера здесь мало что изменилось. Все так же надрывался стоящий у стены музыкальный автомат, гоняя очередной диск с пронзительными латиноамериканскими песнями. В помещении по-прежнему стоял полумрак, несмотря на слепящее полуденное солнце. Но, судя по всему, завсегдатаев-аборигенов, которых в этот раз Собо ль насчитал семь человек, потемки вполне устраивали. Днем посетители вели себя мирно – еще не успели дойти до той степени кондиции, когда сам черт не брат и море по колено. Большинство пили пиво, однако отдельные особи отдавали предпочтение более крепким напиткам. Почти все сидели порознь, лишь за дальним столиком вели оживленный диалог двое колумбийцев. Но они были слишком заняты разговором, чтобы обращать внимание на нового посетителя. Только незнакомый бармен, сменивший за стойкой Кармен, смерил Собо ля настороженным взглядом.

Собо ль подошел ближе и, указав взглядом на частокол бутылок за спиной бармена, заказал двойное виски. Бармен неприязненно оскалится в ответ на прозвучавшую по-английски просьбу, но виски налил. Однако настороженность в его глазах никуда не исчезла. Неужели Кармен рассказала ему о своем вчерашнем разговоре с гринго? В этом случае о проводимых поисках скоро будет знать половина местной публики. Словно подтверждая вывод Собо ля, бармен спросил на плохом английском:

– Вы кого-то ищете?

Собо ль решил, что утаивать цель своего появления бессмысленно. Бармен все равно узнает, а скрывае мый интерес выглядит еще более подозрительно.

– Да, Рауля Маркоса. Я слышал, он часто сюда заходит.

– Никогда о таком не слышал, – буркнул бармен, стрельнув глазами в глубину зала, и отошел в сторону.

Собо ль, не рассчитывающий на его помощь, пожал плечами и оседлал табурет у барной стойки, приготовившись к долгому ожиданию. Если верить словам Кармен, а Собо ль считал, что девушка сказала ему правду, рано или поздно Маркос должен был появиться в баре.

Поиски колумбийского журналиста Собо ль начал с редакции газеты, разместившей его статью на своем электронном сайте. Но узнать в редакции удалось немного. Опрошенные сотрудники лишь подтвердили информацию посольской резидентуры о том, что Маркос уже год как уволился из газеты, и чем занимается в настоящее время, неизвестно. По полученному в редакции домашнему адресу журналиста тоже не оказалось. Однако управляющий в доме, где Маркос прежде снимал квартиру, сказал, что пару раз видел его в одном из местных баров. Не очень-то надеясь на удачу, Собо ль отправился туда. Таксист недоверчиво покопился на него, когда Собо ль назвал ему адрес, но вопросов задавать не стал. Его сомнения развеялись, когда машина подъехала к бару, расположенному по соседству с трущобами колумбийской столицы. Расплатившись с таксистом, Собо ль вошел в бар, забитый по вечернему времени почти до отказа. Среди двух десятков горлающих посетителей не оказалось ни одного иностранца. Почти сразу к Собо лю подскочили трое разгоряченных алкоголем юнцов со свирепыми лицами, намерения которых не оставляли сомнений. Начинать поиски с драки не хотелось, но выхода не было, и Собо ль быстро окинул взглядом всю троицу, выбирая вожака, которого нужно уложить первым. В противном случае драка грозила перейти в затяжную кровавую потасовку с непредсказуемым исходом. Арсенал боевых приемов, которым Собо ль, как командир группы специальной разведки, владел в совершенстве, позволял ему искалечить и даже убить любого. Но в баре, судя по всему, собралось немало любителей почесать кулаки, а

также использовать припрятанные в карманах ножи и кастеты. Если они навалятся всем скопом, придется туго. Соболь отступил к барной стойке, прикрывая спину. Судя по всему, его противники имели богатый опыт участия в уличных драках. Они умело разделились, окружив его с трех сторон, и самый рослый из них гнусаво спросил по-испански:

– Зачем пожаловал, гринго?

Соболь не успел ответить.

– А ну прочь отсюда! Оставьте человека в покое! – раздался из-за стойки требовательный женский голос.

Как ни странно, окрик возымел действие. Хотя злоба и не исчезла из глаз задир, их кулаки разжались.

– Мы не договорили, гринго, – бросил напоследок все тот же детина, и вся троица растворилась в толпе посетителей.

Соболь обернулся. За стойкой бара стояла стройная брюнетка, довольно симпатичная, только слишком сильно накрашенная.

– Вы выбрали не лучшее место для посещения, мистер, – обратившись к нему на английский манер, сказала она.

– Благодарю за вмешательство, – Соболь вежливо кивнул. – Мисс...

– Кармен, – живо представилась брюнетка и кокетливо улыбнулась.

Через минуту она уже увлеченно слушала излагаемую Сободем легенду.

– Маркос? Журналист? – переспросила девушка, не дослушав его рассказ до конца. – Ну как же, он часто у нас бывает. Только не по вечерам. Обычно заходит около полудня. Предпочитает тишину... А вы тоже журналист? О чем пишете? – сменила она тему.

– Не пишу, снимаю. – Соболь наклонился к стойке и доверительным голосом добавил: – Собираю материал для фильма о Пабло Эскобаре: свидетельства очевидцев, газетные статьи и так далее.

– Как интересно! – Кармен всплеснула руками.

Она была не прочь поговорить, но из-за сгрудившихся у стойки новых клиентов вынуждена была прервать разговор. Соболь не спеша допил бутылку пива, купленную у разговорчивой барменши, и вышел на улицу.

От соседнего дома отделились три гибкие тени – те самые юнцы из бара. Сейчас они, без сомнения, рассчитывали довести задуманное до конца. В тусклом свете уличного фонаря блеснули лезвия двух ножей. На темной улице больше никого не было, поэтому шакалы не считали нужным скрывать свои намерения. Только в руках верховодящего в компании вожака Соболь не заметил оружия. Странно. Но вот вожак шагнул вперед, и его подозрительное миролюбие сейчас же разъянилось – из плотно сжатого кулака главаря свисала велосипедная цепь.

– Понравилась Кармен, гринго? – глумливо спросил он.

Соболь не ответил, наблюдая, как противники обступают его, зажимая в кольцо. Сейчас главарь выкрикнет что-нибудь типа: бей его! Но этого не произошло. Без всякой команды все трое шакалов бросились в атаку одновременно. В вечерней тишине раздался свист рассекаемого цепью воздуха. Но, вопреки ожиданию главаря, цепь не раскроила череп наглому американцу, а хлестнула по выставленной вперед руке его собственного приятеля, внезапно оказавшегося на пути. Выбитый нож глухо звякнул об асфальт, вывалившись из перебитых пальцев. Раненый пронзительно завизжал, но Соболь оборвал его крик, рубанув ребром ладони визжащего противника по шее. Тот ничком повалился на асфальт, увлекая за собой главаря, захлестнувшего его руку своей велосипедной цепью. Вожак упал рядом с ним на колени, судорожно пытаясь освободить запутавшуюся цепь. Соболь ударил его ногой в грудь, впечатав носок своего ботинка в диафрагму. Вожак выпучил глаза и, издав звук, какой издает лопнувший мяч или пробитая автомобильная шина, растянулся на асфальте рядом со своим подельником. Последний из трех нападавших остановился, словно налетел на выросшую перед ним

невидимую стену. Объявившийся в баре американец явно оказался им не по зубам. Его стремительная расправа над двумя остальными членами банды наглядно продемонстрировала это. Третий шакал наверняка бы избежал участи своих приятелей, если бы немедленно пустился наутек. Но, растерявшись, он упустил свой шанс. Соболев, привыкший доводить бой до конца, схватил его вооруженную руку, вывернул кисть и, когда нож шлепнулся на асфальт, ударил своего противника кулаком в подбородок, отправив его в глубокий нокаут. Убедившись, что все трое нападавших бесчувственно раскинулись на мостовой, он повернулся и быстро зашагал прочь...

Как он ни растягивал виски, отпивая из рюмки крохотными глотками, но в конце концов порция закончилась. Соболев уже собирался позвать бармена и заказать еще, когда в бар с улицы стремительно вошла Кармен. Она еще не успела переодеться и в приталенной розовой блузке, узких джинсах и длинных сапогах на высокой шпильке, плотно облегающих ее мускулистые икры, выглядела весьма эффектно. Неудивительно, что сразу несколько аборигенов, оторвавшись от своих пивных кружек, устремились на нее похотливые взгляды. Однако Кармен не удостоила их своим вниманием, а напрямик направилась к Соболеву.

– Я знала, что вы сегодня придете, – приветствовала она его широкой улыбкой. – Ну как, переговоры со своим коллегой?

Соболев развел руками:

– Нет. Но надеюсь, он сегодня еще появится.

Его ответ удивил девушку. Кармен растерянно оглянулась и, указав на приземистого мужчину, одиноко сидящего у окна спиной к барной стойке, произнесла:

– Так вот же он.

В первый момент Соболев решил, что они ведут речь о разных людях – мужчина у окна скорее походил на бездомного, в лучшем случае на поденного рабочего, чем на журналиста, пусть даже бывшего.

– Это он?

– Ну да, – Кармен кивнула. – Рауль Маркос. Его у нас все знают.

Она подняла глаза на своего сменщика, ища у него поддержки. Но тот обжег ее злобным взглядом и демонстративно отвернулся. Соболев сделал вид, что не заметил его реакции, и, поблагодарив девушку за помощь, направился к столику журналиста.

Услышав свое имя, Маркос первым делом схватил стоящую перед ним рюмку и, лишь рассмотрев, кто стоит перед ним, разжал пальцы.

– Вы позволите? – продолжал Соболев, указав на свободный стул, так как журналист по-прежнему хранил молчание.

Маркос кивнул. Соболев уселся напротив него, ощутив ударивший в нос резкий запах давно не мытого тела, который не мог заглушить даже витающий в баре запах алкоголя. Мятая рубашка, лоснящийся от пота ворот, спутанные волосы, многодневная щетина – Соболев совсем не так представлял себе колумбийского журналиста. Странное превращение. Только глаза смотрели цепко и настороженно. Чтобы разрушить возникшее отчуждение, Соболев назвал имя, которым представлялся Кармен, и протянул своему молчаливому собеседнику руку.

Маркос не ответил на рукопожатие, но хотя бы заговорил:

– Кто вы?

По мере того как Соболев излагал журналисту разработанную легенду, его взгляд теплел. А когда американский коллега в ответ на просьбу Маркоса поставил на стол купленную в баре бутылку дешевого бренди, он и вовсе благодарно улыбнулся.

– Знал бы ты, кем я был... – начал он хорошо знакомым Соболеву жалостливым голосом спивающегося человека, когда содержимое бутылки уменьшилось на треть.

– Да за мои репортажи о войне правительства с медельинским наркокартелем редакторы ведущих газет готовы были драться между собой. А теперь в кого я превратился?! – Маркос сокрушенно развел руками, но уже в следующее мгновение его глаза мстительно сверкнули. – Все из-за него, Пиночета!

– Признаться, меня больше интересуют этапы борьбы с организацией Эскобара, – скрывая истинный интерес, вставил Соболев.

Как он и надеялся, Маркос не свернул с волнующей темы.

– А я о чем говорю?! – сердито воскликнул он. – Никто, кроме меня, не отважился написать про «Эскадрон смерти». Эти головорезы могли схватить любого: горожанина, крестьянина, полицейского или военного. Они убили сотни человек. И одному богу известно, сколько среди их жертв было боевиков Эскобара, а сколько ни в чем не повинных людей. «Эскадрон смерти» был создан по личному распоряжению президента Барко, когда стало очевидно, что обычными полицейскими методами разгромить возглавляемый Эскобаром медельинский картель не удастся. О, это было особое подразделение коммандос! В «Эскадрон смерти» отбирали только самых отчаянных полицейских и военных. Все бойцы «Эскадрона» прошли специальную подготовку в секретных диверсионных школах ЦРУ под руководством штатных американских инструкторов. А когда штатовские советники решили, что их псы достаточно натасканы, они выпустили их в джунгли и на улицы Медельина...

Рассказ как будто придал журналисту сил. Недрогнувшей рукой он до краев наполнил свою рюмку и, не пролив ни капли, влил бренди себе в рот. «Сейчас его развезет», – решил Соболев. Но Маркос только покачал головой и продолжал:

– Что тогда началось! Только за первые два месяца на улицах Медельина было убито более тысячи двухсот человек – по двадцать убийств в день! Людей хватили по малейшему подозрению в связях с наркомафией, после чего они исчезали бесследно. Каждая операция «Эскадрона смерти» заканчивалась десятками трупов. Коммандос выжигали целые деревни, если их жители поддерживали или хотя бы симпатизировали Эскобару. Призванные бороться с преступностью, бойцы «Эскадрона смерти» сами превратились в настоящих преступников. Они не знали ни пощады, ни жалости. Но Пиночет выделялся среди всех прочих...

Маркос сделал паузу, чтобы налить себе еще бренди. Соболев, и до этого слушавший его рассказ с повышенным вниманием, весь обратился в слух.

– Мне не удалось узнать его настоящее имя, но в «Эскадроне смерти» все называли его Пиночетом. Думаю, он сам выбрал себе это прозвище, так как восхищался чилийским диктатором, залившим кровью всю страну. Не знаю, когда у Пиночета проявился талант взрывника: в его прошлой жизни, или этот дар разглядели в нем инструкторы ЦРУ, но взрывником он стал отменным. Он взрывал дома, где укрывались боевики Эскобара, минировал мосты и дороги, связывающие охваченные восстанием районы. Чаще всего на его минах подрывались обычные крестьяне, но Пиночета это не беспокоило. Он получал настоящее маниакальное наслаждение от своего кровавого ремесла, поэтому после убийства Эскобара в 1993 году и расформирования «Эскадрона смерти» переквалифицировался в наемного убийцу.

– Кто же его нанимал? – не сдержался Соболев.

Маркос закатил глаза.

– О-о, в заказчиках недостатка не было. После смерти главаря медельинцев его давние конкуренты из калийского картеля решили подмять под себя обезглавленную организацию Эскобара. Однако не все сторонники дона Пабло желали переходить под власть калийских наркобаронов. Тогда те обратились за помощью к Пиночету. После кровавых расправ «Эскадрона смерти» его слава и грозное имя гремели по всей Колумбии. За четыре следующих года Пиночет практически в одиночку уничтожил всю верхушку медельинского картеля. Каким-то непостижимым образом он проникал даже на тщательно охраняемые гасиенды, запрятанные в глубокой сельве. Так, двое из ближайших соратников Эскобара погибли вместе с семьями

под руинами внезапно взорвавшихся вилл. Третий взорвался на собственной яхте в панамском порту. Еще один пропал вместе со своим самолетом где-то в сельве, когда летел в Мексику. Медельинцы устроили на Пиночета настоящую охоту, пообещав за его голову огромную награду, но так и не смогли до него добраться. Пиночет перебрался из Колумбии в Венесуэлу, где на деньги, полученные от калийских наркобаронов, где-то в джунглях отстроил себе роскошную виллу... Но все это ерунда! – внезапно махнул рукой Маркос. – Медельинцы достали бы его и там, но... – Он понизил голос и доверительно сообщил: – Время от времени Пиночет выполняет и другие заказы, не только в Колумбии. Поэтому его охраняет ЦРУ.

– Прямо так и охраняет? – усомнился Соболев. Все, что рассказал колумбийский журналист, больше походило на пьяные бредни.

– Ты думаешь, я лгу?! – обиженно воскликнул Маркос. – Вот послушай, что они сделали со мной! Стоило мне написать статью об «Эскадроне смерти», упомянув там о Пиночете, как ко мне пришли. Двое. Они были очень вежливы, но популярно объяснили, что мне не следует больше касаться этой темы. Я не послушался. У меня уже был материал для второй статьи. Но когда я принес готовую статью редактору, тот заявил, что мой материал никуда не годится. Я стал настаивать. Тогда меня просто уволили без всяких объяснений. А потом, примерно через неделю, я узнал, что у редактора пропала дочь. Однако, как только он меня уволил, дочь тут же вернули домой. Я пытался опубликовать статью в других газетах. Все оказалось бесполезно. Никто не хотел брать мой материал. Я как будто получил черную метку. И вот теперь я коротаю время здесь. – Маркос смахнул со стола выбежавшего из щели таракана, обвел мутным взглядом полупустой зал и закончил: – А Пиночет развлекается с красотками на своей вилле и устраивает взрывы по всему миру. Женщины, да еще карты и бильярд – это его хобби, а взрывы – наркотик, без которого он попросту не может жить.

Он снова выпил. Бренди почти не осталось, и он с тоской посмотрел на опустевшую бутылку. «Если он выпьет еще, то окончательно отрубится», – решил Соболев, однако сходил в бар за новой бутылкой. Маркос благодарно улыбнулся и снова потянулся к бренди. Но Соболев придержал бутылку.

– Почему вы так уверены, что на фотографии, которой вы проиллюстрировали свою статью, изображен именно Пиночет?

Маркос хитро прищурился.

– А потому, что, кроме той фотографии, у меня есть еще одна, где Пиночет в форме командос «Эскадрона смерти». Сейчас он, правда, изменился: отпустил волосы, всюду появляется в черных очках и шикарных костюмах, но узнать все равно можно. Можете убедиться.

Соболев не поверил в свою удачу.

– У вас с собой эти снимки?!

Увы, надежда оказалась напрасной.

– Не держите меня за идиота, мистер, – перешел на «вы» Маркос и, как показалось Соболеву, даже отчасти протрезвел. – После того как церэушники перевернули вверх дном мою квартиру, я храню фото в надежном месте.

Соболев решил сменить тактику.

– Я деловой человек, мистер Маркос. Не скрою, ваша информация меня заинтересовала. Извольте, я готов купить у вас эти снимки. При условии, что они подлинные.

– Не беспокойтесь, фотки настоящие, – ухмыльнулся Маркос. – Та, на которой он в обнимку с красоткой Гресси, сделана в прошлом году в Каракасе, в отеле «Ритц-Интерконтиненталь». А та, где он в форме, – на отдыхе в полевом лагере, в джунглях. Снимал кто-то из сослуживцев Пиночета... Короче! – Журналист вновь стал серьезен. – Хотите заполучить его фото, приносите завтра две тысячи ваших североамериканских долларов. Сюда, в это же время. И не пытайтесь торговаться! – поспешно добавил Маркос, заметив сомнения на лице

своего собеседника. – Цена окончательная. Мне слишком дорого обошлись эти снимки, чтобы я отдал их вам задаром.

Завладев бутылкой, он демонстративно отвернулся к окну. Поняв, что от журналиста больше ничего не добиться, Соболев поднялся из-за стола.

– До свидания, мистер Маркос.

– Завтра в это же время, – вместо слов прощания повторил Маркос, сосредоточенно наполняя рюмку. На своего собеседника он даже не взглянул.

Зато, выходя из бара, Соболев поймал на себе пристальный взгляд сменившегося бармена, который, сдав смену Кармен, почему-то не спешил уходить. Чтобы проверить возникшие подозрения, выйдя на улицу, Соболев быстро завернул за угол. Долго ждать не пришлось. Бармен выскользнул из бара практически следом за ним. Остановился, воровато оглянулся по сторонам, ища таинственно исчезнувшего американца, не нашел и затрусил вдоль по улице. Поведение бармена очень не понравилось Соболеву. Так переполошился тот явно от его встречи с Маркосом. И хотя весь разговор с журналистом бармен слышать не мог – Соболев был в этом абсолютно уверен, но по отдельным словам, когда Маркос повышал голос, вполне мог догадаться, о чем шла речь. Мысли Соболева сейчас же переключились на оставшегося в баре журналиста. Маркос практически в одиночку выпил целую бутылку бренди и определенно собирается пить еще. В таком состоянии с ним может приключиться все, что угодно. Элементарная логика подсказывала, что оставлять журналиста на произвол судьбы не стоит.

На этот раз ожидание затянулось. Маркос вышел из бара только через час. К удивлению Соболева, он вполне устойчиво держался на ногах. Видимо, сказывался прошлый опыт посещения питейных заведений. Доставившее Соболева такси давно уехало. Как он определил еще накануне, район, где располагался бар, пользовался у городских таксистов дурной репутацией, и, судя по всему, не без оснований. Однако отсутствие такси Соболева не пугало. Вряд ли у Маркоса есть машина, в баре у него не было денег даже на выпивку. Да и жить он должен где-то неподалеку. Не стал бы он изо дня в день таскаться в один и тот же бар через весь город. Словно подтверждая его мысли, журналист медленно двинулся вниз по улице. По сторонам он не смотрел и не оглядывался, очевидно, чтобы не сбиться с пути и не упасть, что только упрощало наблюдение. Прогулочным шагом Соболев прошел за ним целый квартал, встретив на пути только пару девиц в предельно коротких юбках, подпирающих стену согнутой ногой с призывно выставленным перед собой голым коленом. Они проводили появившегося на улице американца призывными взглядами, однако завязать с ним разговор поленились. Судя по всему, полуденный зной разморил даже уличных жриц любви. Когда греющиеся на солнце «дневные бабочки» остались позади, Соболев услышал за спиной шум двигателя приближающейся машины и благоразумно отошел от края тротуара. Предосторожность оказалась не лишней.

– Эй, гринго! Ты чего здесь забыл?! – донеслось из автомобиля, когда машина поравнялась с ним.

Вслед за возгласом из машины вылетела пустая бутылка. Но Соболев, вовремя заметивший направленный в него бросок, отклонился в сторону, и бутылка разбилась о стену. Примечательно, что шагнувший впереди Маркос на крики и звон разбитого стекла не обратил никакого внимания и даже не обернулся, из чего Соболев сделал вывод, что подобное в данном районе случается довольно часто. Однако, как он вскоре убедился, путь бывшего журналиста лежал в еще более злчное место. Маркос несколько раз свернул в сомнительного вида переулки, и следующий за ним Соболев оказался в настоящих трущобах. Кривые улочки сузились настолько, что лепящиеся друг к другу ветхие домишки заслонили висящее в зените солнце. Стены домов и те окна, где еще сохранились стекла, были сплошь исписаны граффити, а из каждой подворотни тянуло сладковатым запахом помойки. В одну из таких подворотен и свернул Маркос. Чтобы не потерять журналиста из вида, Соболев ускорил шаг, поэтому и услышал раздавшийся там вопросительный возглас:

– Маркос?!

Ответа не последовало. Вместо него из подворотни донесся стремительный шорох, сдавленный хрип и вязкий удар упавшего тела. Забыв про конспирацию, Соболев рванулся вперед. В ведущем во двор темном проходе он увидел две поджарые фигуры, склонившиеся над бьющимся на земле человеческим телом. Один из замеченных Соболевым незнакомцев издал пронзительный крик, и они оба пружинисто отпрыгнули в противоположные стороны. В руке одного из них Соболев разглядел нож, с лезвия которого веером разлетелись тяжелые капли, а у другого пистолет, мгновенно выхваченный им из-под полы распахнутой рубахи. В следующее мгновение темноту разорвала яркая вспышка. Одновременно с грохотом выстрела Соболев метнулся назад и, выбежав на улицу, прижался спиной к стене, готовясь сбить с ног ринувшихся за ним противников. Но вместо приближающегося топота услышал только слабый звук стремительно удаляющихся шагов. Оставив свое укрытие, он снова заглянул в подворотню, но там уже никого не было, кроме лежащего ничком человека. В несколько прыжков Соболев преодолел узкий проход и выглянул во двор – пусто. Только с верхних этажей стоящих вплотную домов доносились приглушенные расстоянием чьи-то пьяные крики. Убедившись в отсутствии врагов, Соболев вернулся назад к распростертому на земле человеку. Раненый уже не шевелился, лишь слабо хрипел. Маркос! Соболев узнал журналиста сразу, как только заглянул ему в лицо, и рефлекторно отшатнулся, увидев страшную картину. Горло журналиста было перерезано от уха до уха, его волосы слиплись от растекшейся вокруг головы крови, а из рассеченной трахеи со свистом выходил воздух, звук которого Соболев ошибочно принял за хрип. Но Маркос был еще жив. Он тоже узнал своего недавнего собеседника и пристально взглянул ему в лицо, сходясь что-то сказать. Но обескровленные побледневшие губы остались неподвижны, а потом и глаза журналиста закатились, уставившись в одну точку над головой Соболева.

* * *

С того момента, как Соболев улетел в Колумбию, дни тянулись серо и однообразно, даже скучно. Анна с утра до вечера перечитывала различные аналитические справки – все-таки проявила характер и добилась от руководства допуска к спецфонду секретного архива, или изучала страницы Интернета, пытаясь найти там новые упоминания о таинственном взрывнике, о котором написал в своей статье колумбийский журналист. Нашла. Правда, немного. В прошлогоднем отчете резидент в Перу сообщал, что среди руководителей местных экстремистов обсуждался вопрос о привлечении к террористическим акциям профессионального подрывника по кличке Пиночет, но после обсуждения лидеры перуанских революционеров пришли к выводу, что он им не по карману. А четырем годами ранее греческая полиция за взрыв, устроенный в афинских доках, тоже разыскивала некоего Пиночета. Но как-то вяло и безрезультатно. В общем, улов был небогатый. Но Анна не отчаивалась. Была уверена, что к моменту возвращения Соболева обязательно обнаружит что-нибудь еще.

Она как раз направлялась к себе с очередной полученной в архиве папкой, когда увидела идущего навстречу Соболева. От неожиданности Анна чуть не выронила папку из рук.

– Ты?! Уже вернулся? Когда? Узнал что-нибудь? Нашел Маркоса?

Соболев не ответил ни на один вопрос. Вот так всегда! И в свою очередь спросил:

– Слушай, у тебя есть кофе?

Анна растерянно заморгала.

– Нет. Только чай. Зеленый. В пакетиках.

– Ладно, пусть будет чай, – устало кивнул головой Соболев и, словно это что-нибудь объясняло, добавил: – Я только что от Гнатьева.

– Что, жарко пришлось? – съязвила Анна, разозлившись на его молчание.

Начальник оперативного отдела ГРУ полковник Гнатьев среди подчиненных слыл человеком крутым.

– Не то слово, – не стал отпираться Соболев. – Пойдем к тебе. Там и поговорим.

Пока кипел чайник, Соболев выставил на середину кабинета свободный стул и, усевшись на него верхом, начал свой рассказ. Анна слушала, не перебивая, и отвлеклась лишь однажды, чтобы разложить по бокалам пакетики с чайной заваркой и залить их кипятком.

– ...Кто-нибудь из завсегдатаев бара мог видеть, как я отправился следом за Маркосом. Поэтому пришлось срочно уходить, чтобы избежать контактов с колумбийской полицией. Сообщил резиденту о своем отлете по телефону и сразу в аэропорт.

– Значит, тебе так ничего и не удалось узнать? – забыв про остывающий на столе чай, упавшим голосом спросила Анна.

– Ну почему, – возразил Соболев. – Сам факт убийства Маркоса подтверждает, что мы на верном пути. Ведь его убили, чтобы скрыть известную ему информацию. А способ убийства – перерезанное горло. Уверен, убийцы собирались изобразить «колумбийский галстук», а это показательная казнь за длинный язык.

Анна вынуждена была признать справедливость его выводов. Если бы они еще могли помочь в розыске неуловимого террориста.

– Да, но со смертью Маркоса выходов на этого таинственного Пиночета не осталось. Где он скрывается и под каким именем живет, мы так и не знаем.

– Мы нет, – загадочно произнес Соболев. – А вот его подружка знает наверняка. – И в ответ на недоуменный взгляд Анны пояснил: – Фотомодель из Пуэрто-Рико, с которой его сфотографировали папарацци в отеле «Ритц».

– Грессия Альварес! – вспомнила Анна. – Но как принудить ее к откровенности? И вообще, как с ней связаться?

Соболев улыбнулся.

– Вот это мы с Гнатьевым и обсуждали. Есть один вариант. Раз она фотомодель, то, по идее, не должна отказаться от выгодного контракта. Но нужно найти солидную фирму. С каким попало рекламным агентством она работать не станет.

* * *

Расплатившись с таксистом, Анна вышла из машины. Все-таки приятно тратить деньги, выделяемые на оперативные расходы. Конечно, еще эффектней было бы подъехать к рекламному агентству на собственном автомобиле. Ну да ничего. Когда-нибудь и у нее будет своя машина. Зато одета она по высшему разряду – спасибо гардеробу службы наружного наблюдения, сразу видно уверенную в себе светскую львицу.

Выяснив у дежурящего на входе охранника, где находится директорский кабинет, Анна сразу направилась туда. В приемной, на низком диванчике, сидели три девушки в мини-юбках – очередные модели, смерившие Анну оценивающим взглядом.

– Вы на кастинг? – ошеломила ее вопросом секретарша.

Анна вспыхнула. Неужели она похожа на этих рассевшихся как на насесте девиц, выставивших на всеобщее обозрение свои голые коленки?

– Я редактор журнала «Шанс-Успех», – с достоинством произнесла она, чтобы сразу поставить секретаршу на место. По мнению Анны, название звучало чересчур претенциозно, но Соболеву предложенный аналитиками вариант понравился. Под него и изготовили сопроводительные документы. – Я вам сегодня звонила. У меня назначена встреча с Ольгой Владимировной.

– Присядьте. Ольга Владимировна сейчас занята. – Надменности в голосе секретарши ничуть не убавилось. Предложить гостю и потенциальному клиенту кофе или хотя бы чай она даже и не подумала.

Но хуже всего оказалось то, что сесть, кроме как на диванчик, рядом с ожидающими в приемной манекенщицами, было некуда. Анна посчитала это ниже своего достоинства. Пришлось стоять. Анна гордо тряхнула головой и отвернулась. Представься она секретарю главным редактором, эта воображала была бы сама любезность. Но для «главного» возраст явно не подходящий, да и в разговоре с директрисой можно проколоться. Интересно, скоро уже та освободится?

Стоило Анне так подумать, как дверь директорского кабинета распахнулась, и в приемную выкатился патлатый тип в кожаном пиджаке и малиновой блузе.

– Заждались, крошки? – обратился он к сидящим девицам, но, увидев в приемной Анну, сразу подошел к ней. – А ты кто? Новенькая? Из какого агентства? Что-то я тебя раньше не видел? Портфолио принесла?

Да что это такое сегодня творится?! Анна брезгливо оттолкнула протянутую к ней руку.

– Что вы себе позволяете?! Я редактор журнала! А вы вообще кто такой?!

– Я? – удивился мужчина, ничуть при этом не смутившись. – Я Макс Суханов. Ты что, меня не знаешь?

Девицы на диване презрительно хихикнули, словно Анна сморозила несусветную глупость. Она напрягла память. Суханов?... Ну, конечно! Как она могла забыть?! Популярнейший светский фотограф, иллюстрирующий едва ли не все гламурные отечественные журналы. Непростительный косяк! Как «редактор» она обязана была его знать.

– Ты в каком журнале-то работаешь? – с отвратительной улыбкой продолжал допытываться Суханов. – Небось кройки и шитья? – Он отступил назад и, раздвинув большой и средний палец, внимательно посмотрел на Анну. – Жаль, мы с тобой раньше не встретились. Из тебя бы могла модель получиться... Фигура, лицо... И во взгляде есть что-то цепляюще-роковое. Ну, может, еще передумаешь. – Он повернулся к фотомоделям, которые теперь смотрели на Анну с явным вызовом, и скомандовал: – Пошли, девчонки.

От растерянности Анна даже не нашла, что ответить наглому фотографу. А когда взяла себя в руки, увидела, что из дверей своего кабинета за ней с любопытством наблюдает директриса рекламного агентства. Вот вляпалась так вляпалась! Но отступать было поздно, да и некуда. И она заставила себя поздороваться.

– Здравствуйте, Ольга Владимировна.

– Здравствуйте, – аристократически наклонила голову хозяйка кабинета и приглашающе распахнула дверь.

Ее платиновые волосы были уложены в высокую прическу, открывая правильной формы уши с переливающимися бриллиантовыми серьгами. По лицу без единой морщины и полукружкам тонко выщипанных бровей было трудно определить ее истинный возраст, но внимательные глаза директрисы указывали на богатый жизненный опыт. Анна невольно смутилась. Если в этой приемной кого-то и можно было назвать светской львицей, так это саму Ольгу Владимировну Глинскую.

– Наш журнал ориентирован в первую очередь на успешных людей, – начала Анна в ответ на вопрос о концепции представляемого ею издания. – Которые добились успеха в жизни...

Ей было стыдно за свою косноязычность, но после унижительной сцены в приемной, свидетелем которой стала директриса рекламного агентства, нужные слова никак не хотели подбираться. Да еще, как назло, бутылочки с минеральной водой и холодным чаем, выставленные на журнальный столик, за которым велась беседа, постоянно отвлекали внимание.

Анна все-таки заставила себя поднять взгляд на собеседницу.

– Однако, как вы знаете, Ольга Владимировна, у таких людей повышенные требования. Поэтому, чтобы наш журнал вызывал у них интерес, нужны не только интересные публикации, но и цепляющие, – вернула она услышанное от Суханова слово, – фотографии.

Ольга Владимировна вежливо кивнула и поинтересовалась:

– И о чем же будет пилотный выпуск?

К этому вопросу Анна была готова.

– Всего понемногу: бизнес, политика, светская жизнь, мода, автомобили. Ну и конечно... – Она сделала паузу. – Красивые девушки. Я знаю, вы работаете с лучшими моделями, в том числе и зарубежными. Поэтому мы к вам и обратились. Кого из них вы могли бы порекомендовать?

Снова последовал вежливый кивок. Ольга Владимировна ненадолго задумалась, после чего назвала четыре фамилии. Анна добросовестно записала имена всех четырех кандидаток к себе в органайзер.

– А из иностранных?

– А наши девочки вас что же, не устраивают? – усмехнулась Глинская.

– Просто главный просил меня рассмотреть разные варианты, – нашла Анна.

Ольга Владимировна встала с гостевого кресла, подошла к своему рабочему столу и, перебирая там бумаги, как бы ненароком поинтересовалась:

– А кто у вас главный редактор?

Анна лучезарно улыбнулась, хотя повернувшись спиной директриса вряд ли могла видеть ее улыбку.

– Как только выйдет первый номер, я обязательно презентую его вам со всем списком нашей редакционной коллегии.

– Вот, могу порекомендовать моделей из миланского агентства, – вернулась к теме беседы Ольга Владимировна. – Мы с ними работали в прошлом году...

Анна записала еще три названных ею фамилии. Решила, что можно переходить к главному, и спросила:

– А каких-нибудь более известных? Таких, как Грессия Альварес.

Вот теперь директриса удивилась по-настоящему. Даже выщипанные брови поползли вверх.

– Грессия Альварес довольно дорогая модель. Вы уверены, что она будет вам по карману? И потом, она работает в основном в Центральной и Южной Америке. В Европу приезжает редко. Да и то только по приглашению ведущих агентств. Но почему вас заинтересовала именно она?

– Просто она во вкусе нашего главного, – без зазрения совести сдала Анна мифического главного редактора не менее мифического журнала. – Так через какое агентство с ней можно связаться?

Через пять минут она вышла на улицу, имея в своем органайзере электронный адрес и контактные телефоны парижского модельного агентства, работающего с Грессией Альварес.

Анне не терпелось поделиться своей удачей. Да и в любом случае следовало доложить руководству результаты визита в рекламное агентство, поэтому первым делом она отправилась разыскивать Соболя. Нашла его в учебном тире, где он крушил возникающие в секторе обстрела фанерные мишени. Грохот стоял такой, что у Анны мгновенно заложило уши. Тем не менее Соболев, хотя и стоял спиной, почувствовал ее приближение, отложил пистолет, снял с головы наушники и повернулся к ней:

– Ну как поход?

Анна достала из сумочки органайзер и с гордым видом помахала им перед носом Соболя. Пока он читал ее записи, она указала на отложенный Сободем его любимый «ГШ-18», выполненный по схеме австрийского «глока» в ударопрочном полимерном корпусе.

– Можно и мне попробовать?

Он кивнул. Быстро снарядил магазин восемью патронами, вогнал его обратно в рукоятку и протянул ей пистолет.

– Четвертое упражнение.

Анна насупилась. Она любила стрелять, ощущая в руке грозную мощь оружия. Но четвертое упражнение, когда требовалось за несколько секунд поразить каждую из четырех мишеней двумя пулями, ей упорно не давалось, и Соболев это прекрасно знал. Спорить с ним было бесполезно. Анна взяла пистолет и встала на огневой рубеж.

– Руки по швам!

Она послушно опустила руки вдоль тела. С Соболем не схалтуришь. Он нажал какую-то кнопку на пульте управления мишенями, и перед ней выросли в ряд четыре фанерных силуэта. Она поспешно вскинула оружие, нажала на спуск – ничего. Черт, затвор! Передернув затворную раму, она дослала патрон в патронник, снова потянула спусковой крючок, и пистолет ожил. Но уже после третьего выстрела мишени повернулись ребром – сработал временной таймер, и Анна вынуждена была прекратить огонь.

– Знаю, знаю. Я забыла зарядить оружие, – поспешно сказала она.

Соболев как будто не слышал. Он снова развернул мишени и, сосчитав пробоины, констатировал:

– Первая мишень – две пробоины. Вторая – только одна. В остальных попаданий нет. Незачет.

Анна понуро молчала.

– Ты пытаешься целиться и теряешь на этом время. А это не нужно, – продолжал Соболев. – Две пули гарантированно обезвредят противника. Поэтому точность попадания не имеет значения. Главное – время. Опередила врага – осталась жива. Только так. Давай еще раз.

Он снова снарядил пистолет и вручил его Анне.

«Не целиться и не паниковать», – мысленно повторила она, готовясь к стрельбе. Как и в прошлый раз, мишени возникли неожиданно, но теперь Анна была к этому готова и успела сделать все восемь выстрелов, пока они вновь не встали ребром.

– Вот, другое дело! – довольным голосом объявил Соболев, осмотрев мишени. – Последний выстрел, правда, смазала. Но одну пулю всадила точно по центру. Оценка «хорошо». Теперь отрабатываем стрельбу в движении.

К концу тренировки Анна набила себе мозоль на правой ладони при отдаче пистолета и ободрала кожу на указательном пальце левой в результате бесконечного передергивания тугого затвора, да еще и оглохла на правое ухо – даже наушники не помогли. К счастью, глухота вскоре прошла. Зачет по стрельбе в движении, правда, не получила, но по лицу Соболя было видно, что он доволен ее результатами. Но раз норматив не выполнен, ни за что не похвалит. Это уж точно.

* * *

Несмотря на придирчивость Соболя, день все равно сложился на редкость удачно. Мало того что она выяснила, как связаться с пуэрто-риканской фотомodelью, проводящей время в обществе международного террориста, так еще и попала на совещание к начальнику оперативного отдела. В его кабинете Анна оказалась впервые. Да и легендарного полковника Гнатова, возглавляющего оперативный отдел ГРУ, вблизи ей тоже прежде видеть не приходилось. Первым делом Анна удовлетворила свое любопытство. Далеко за сорок, а может, и за пять-

десять. Надо будет уточнить у Соболя. Не красавец, особенно если сравнивать Гнатьева с Егоровым. Совершенно некстати вдруг вспомнился встреченный в Косово фээсбэшник. В своем отутюженном костюме и накрахмаленной рубашке с аккуратно подстриженными височками тот смотрелся настоящим щеголем. Зато по волевому, даже суровому лицу Гнатьева сразу было видно высокого воинского начальника. Такому и отвечать нужно строго по уставу: четко, ясно и самую суть. Правда, пока приходилось молчать. Докладывал Соболю.

– Грессия Альварес, двадцать пять лет. Профессиональная фотомодель. В 2001 году на национальном конкурсе красоты завоевала титул вице-мисс Пуэрто-Рико. Работает по контракту с модными домами Европы и Америки...

Он разложил на столе перед начальником несколько скачанных из Интернета и распечатанных фотографий пуэрториканки. Полковник Гнатьев взял в руки один из снимков.

– Эффектная.

Анна только вздохнула. Латиноамериканская красотка действительно была хороша. Лицо, фигура, переливающиеся в лучах софитов волосы. Вот только полноватые губы слегка подкачали. Но многим мужчинам именно такие как раз и нравятся.

– Поэтому на нее и обратил внимание Пиночет, – поддержав начальника, ухмыльнулся Соболю.

– Он по-прежнему поддерживает с ней отношения? – спросил Гнатьев, продолжая изучать снимок.

– Трудно сказать. Но, как бы то ни было, Грессия Альварес не оставила модельный бизнес. Сейчас она одна из самых востребованных латиноамериканских фотомоделей. Поэтому новое рекламное предложение не должно насторожить Пиночета, даже если он о нем и узнает.

Полковник несколько секунд молчал, хмуро разглядывая снимок, потом наконец отложил фотографию пуэрториканки и поднял взгляд на Соболя.

– Как-то уж слишком сложно: рекламный контракт, парижское агентство, приглашение на фотопробы. Ведь нам всего лишь нужно получить от этой модели информацию о ее бывшем бойфренде. Куда проще под видом журналиста подвести к ней нашего сотрудника?

В свое время Анна задавала Соболю тот же вопрос, поэтому уже знала его мнение. Но одно дело отстаивать свою точку зрения в разговоре с младшей по званию коллегой, и совсем другое – возражать начальнику оперативного отдела. Но Соболю держался достойно.

– Последнее время Грессия Альварес не дает интервью и вообще избегает общения с журналистами. Однако в обсуждении деталей предстоящего контракта она наверняка захочет принять личное участие. Тогда мы и зададим ей необходимые вопросы.

Анна уже знала, как это делается. Во время интервью или при обычной дружеской беседе среди общих вопросов человеку задаются несколько ключевых. Причем в тот момент, когда он наиболее расслаблен. А специальная аппаратура фиксирует его откровенность. Но опытный психолог для получения правдивых ответов может обойтись и без аппаратуры.

– Хорошо, – подвел итог дискуссии Гнатьев. – Готовьте необходимое обоснование, я подпишу.

Из кабинета Гнатьева Анна вышла со смешанным чувством. С одной стороны, то, что она присутствовала на совещании у начальника оперативного отдела, свидетельствовало о признании ее заслуг. С другой стороны, за все время совещания Гнатьев не только не задал ей ни одного вопроса, но даже не взглянул на нее. Спрашивается: что она вообще там делала?

Однако, вернувшись вечером в офицерское общежитие, где она получила комнату при зачислении в штат Главного разведуправления, и как следует поразмыслив над итогами минувшего дня, Анна решила не расстраиваться. Во-первых, она участвует в решении задачи, которую поставил перед военной разведкой не кто-нибудь, а сам президент, – разыскать убийц российских дипломатов и предать справедливому суду, а при невозможности – уничтожить. Во-вторых, руководство ей полностью доверяет, что подтверждается участием в сегодняшнем

совещании. И наконец, в-третьих, именно она будет работать с пуэрториканкой в качестве переводчика.

Довольная собой, Анна с бокалом любимого зеленого чая уселась за стол и включила телевизор. Благодаря установленной на крыше общежития коллективной спутниковой антенне телевизор принимал все мировые информационные каналы, что позволяло, не выходя из комнаты, практиковаться в языках. Многие офицеры так и делали. Сначала Анна посмотрела по CNN репортаж об обстановке в Ираке. Новый взрыв возле багдадской мечети. Покушение на американских военнослужащих – из проезжающей машины неизвестные открыли огонь по американскому военному патрулю: два солдата и капрал тяжело ранены. Очередные грозные заявления лидера радикальных исламистов Абу Мусаба Заркаури, обвиняющего духовного лидера Ирака имама аль-Хакима в продажности американским оккупационным властям. Когда пошли комментарии американских политологов, Анна переключилась на другой канал. Испанское телевидение освещало визит президента Венесуэлы в соседнюю Бразилию, но вскоре началась реклама, и пришлось снова переключаться. Анна попрыгала с канала на канал в поисках другого сюжета о Южной Америке, а когда нашла его, так и застыла с телевизионным пультом в руках.

– ...Официальные власти Доминиканской Республики подтвердили информацию о крушении частного пассажирского самолета, разбившегося сегодня у берегов острова Гаити, – по-испански вещал диктор с экрана. – Как стало известно нашему корреспонденту, на борту самолета находилась команда профессиональных фотографов, а также известная фотомodelь Грессия Альварес. Официальные власти пока отказываются назвать причину авиакатастрофы, но заявили, что, скорее всего, все находившиеся на борту разбившегося самолета погибли...

Поставив на стол бокал с недопитым чаем, Анна бросилась к сотовому телефону. Соболев долго не отвечал, но Анна упорно не отключалась и наконец услышала в трубке его спокойный голос:

– Да, слушаю.

– Быстрее включай телевизор! – выкрикнула в трубку Анна. – Канал... – и только тогда поняла, что телевизор Соболева может и не принимать найденный ею спутниковый телеканал.

Соболев вовсе огорошил ее:

– Какой телевизор? Я за рулем. Веду машину.

Как не вовремя! Ну да какая разница!

– Только что передали, я сама видела! – уточнила Анна, чтобы Соболев не сомневался: сведения точные. – Сегодня у берегов Гаити разбился частный самолет. Все находившиеся на борту пассажиры погибли. И среди них Грессия Альварес!.. Алло, ты слышишь меня?

– Слышу, – ответил Соболев через несколько секунд.

– Это он, я уверена! Убрал свидетеля!

– Он, – со вздохом ответил Соболев. – Больше никому.

* * *

Утреннее совещание открыл полковник Гнатев. Он был все так же хмур и сосредоточен. Но если, по мнению Анны, начальник оперативного отдела выглядел так же, как и накануне, то на Соболева было жалко смотреть. Лицо осунулось, взгляд потух. Сначала Анна решила, что это результат бессонной ночи, но тут же вспомнила, что Соболев умеет обходиться без сна несколько суток и это никак не отражается на его внешности. На начальника он старался не смотреть. Но пришлось. Потому что совещание Гнатев начал с адресованного ему вопроса:

– Как я понимаю, с гибелью Грессии Альварес мы лишились последнего свидетеля?

Употребленное полковником местоимение «мы» Анна посчитала хорошим знаком. Значит, Гнатьев не отделяет себя от подчиненных. Неизвестно, о чем подумал Соболев, но после заданного ему вопроса он вскинул голову и с надрывом произнес:

– Это целиком моя вина, товарищ полковник! Во время встречи с Маркосом я был недостаточно осторожен, что позволило посторонним, среди которых, без сомнения, оказались осведомителя Пиночета, узнать суть нашего разговора. После чего колумбийский журналист и любовница террориста были немедленно убиты. Я понимаю, что провалил предыдущее задание. Но тем не менее прошу разрешения вылететь в Венесуэлу для розыска Пиночета. Обещаю, что узнаю, кто был любовником Грессии Альварес, и выясню, где этот человек скрывается!

Гнатьев еще ничего не ответил, но по его лицу Анна уже поняла – не разрешит. И тогда она, неожиданно для себя, заговорила. Внезапно вспомнился недавний визит в рекламное агентство, встреча с фотографом Сухановым и его слова.

– Товарищ полковник! – Анна сама удивилась собственной смелости и тому, как уверенно звучит ее голос. – В Венесуэлу лететь должна я. По мнению известного московского фотографа Максима Суханова, я отвечаю всем параметрам фотомодели. Поэтому если я появлюсь в Венесуэле как фотомодель и Пиночет об этом узнает, он наверняка захочет со мной познакомиться. Как нам известно со слов погибшего журналиста Маркоса, девушки-модели – это его слабость. Тем более что, взорвав самолет с Грессией Альварес, он лишился постоянной подруги.

Закончив, Анна бросила быстрый взгляд на Соболя. Он смотрел на нее так, словно у нее за спиной выросли крылья или что-нибудь похуже. Зато взгляд Гнатьева остался бесстрастным. Ну, почти бесстрастным.

– Почему вы так уверены, что Пиночет непременно захочет с вами познакомиться? – все так же хмуро спросил он.

– Если создать определенный антураж: восходящая звезда российского модельного бизнеса, – начала на ходу придумывать Анна, – прибыла в Венесуэлу для съемок нового клипа... то Пиночет наверняка клюнет. Грессия Альварес чем-то же его зацепила.

Когда Анна закончила, в кабинете наступила тишина. Раз Гнатьев размышлял над ее предложением, значит, не такое уж оно и бредовое. Анна победно взглянула на Соболя. Он посмотрел на нее с жалостью и сокрушенно покачал головой. Анна обиделась и отвернулась. Но тут заговорил Гнатьев, и она снова воспрянула духом.

– Предложение интересное, но детали нужно еще, естественно, подработать...

Дальше Анна уже не слушала. Предложение интересное! Ее предложение признано интересным! Это она придумала, как спасти фактически провалившуюся операцию! Не напрасным, совсем не напрасным оказался визит в рекламное агентство!

Стоило им выйти из кабинета Гнатьева, как Соболев догнал ее и схватил за локоть.

– Ты что, не понимаешь, как это может быть опасно?! Тот, кого мы ищем, убивает при малейшем подозрении! И не щадит никого, как не пощадил собственную любовницу! И потом, с чего ты взяла, что Пиночет тобой заинтересуется? Ведь ты же не знаешь, какие женщины в его вкусе.

Анна недовольно дернула плечом. Во-первых, Соболев так сдавил ей локоть, что руке стало больно. А во-вторых, кто он такой, чтобы решать за нее, что ей следует делать, а что нет.

– Значит, так, – веско начала она, чтобы сразу расставить все точки над «и». – Убивать меня Пиночету нет никакого резона. Если он заподозрит меня в игре или его что-то насторожит, он просто не пойдет на контакт. Так что с этой стороны никакой опасности нет.

Соболев сразу сник и выпустил ее локоть. Анне даже стало его немного жалко, и она решила его подбодрить.

– Вообще я что-то не пойму, ты чего больше боишься: моего знакомства с Пиночетом или того, что он не обратит на меня внимания?

Она улыбнулась, приглашая и Соболя посмеяться над своей шуткой. Но он только махнул рукой, повернулся и зашагал прочь.

* * *

Как Соболю ни возражал против ее идеи, но после того, как она обрела форму приказа, ему пришлось-таки с ней смириться. Чтобы уж совсем его не расстраивать, Гнатьев назначил Соболя ответственным за подготовку будущей «фотомодели». Вначале выбор Гнатьева Анну удивил, но только вначале. Свое незнание законов и подводных камней модельного бизнеса Соболю с лихвой компенсировал повышенной требовательностью и дотошностью.

Первым делом он отвел Анну в центр подготовки сотрудников наружного наблюдения, где познакомил с невысокой худощавой женщиной по имени Жанна Сергеевна. Во внешности Жанны Сергеевны не было ничего примечательного, но ее плавная походка и исключительная грациозность всех движений заставили Анну переменить первоначальное мнение об этой женщине. «Бывшая балерина», – предположила она. Оказалось, не только балерина, но еще и хореограф, почти десять лет проработавшая, да не где-нибудь, а в Большом театре! Анна, правда, не поняла, зачем нужен хореограф в центре подготовки филеров? Кого здесь обучать? Оказалось, очень даже нужен – Соболю позже объяснил, – ставить пластику девушкам, работающим в супердорогих барах, ночных клубах и ресторанах под видом элитных проституток.

Жанна Сергеевна попросила Анну пройти, несколько раз сесть на стул и в низкое кресло, понаблюдала за ее походкой и прочими движениями и объявила, что ей понадобится две недели на подготовку. Чем только за эти две недели не пришлось заниматься. Сначала Анна просто ходила: в туфлях на высоченных каблуках, сапогах, обычных босоножках, босоножках-вьетнамках с ремешком между пальцами и даже босиком. Потом училась стоять, чуть отставив ногу и слегка согнув ее в колене – поначалу жутко трудно было держать равновесие. Потом садиться и сидеть на стуле, табурете, в кресле, на диване и на сиденье автомобиля. Пить из самых разных фужеров и рюмок, непринужденно держа бокал в руке. Этот курс обучения стоил Анне одного сломанного ногтя, а Жанне Сергеевне трех разбитых бокалов. Тренировки продолжались с утра и до позднего вечера, с небольшим перерывом на обед. Причем когда Анна наконец возвращалась домой, у нее так ныли мышцы, словно она весь день качалась в тренажерном зале. Обед во время тренировок представлял собой отдельную пытку, так как состоял из минеральной воды и нескольких листочков салата с кусочком моркови или шпината, очевидно, из изуверского желания Соболя заставить Анну прочувствовать на себе голодную диету фотомодели. Хорошо хоть он сам не докучал своим присутствием. Двух мучителей разом Анна бы точно не выдержала.

Соболю появился только в последний день. Молча выслушал отчет Жанны Сергеевны и ее аттестацию своей ученицы, между прочим, весьма лестную, поблагодарил хореографа за преподанную воспитаннице науку и увез Анну с собой. Даже словом не обмолвился о ее успехах! Не говоря уже о том, чтобы просто поздравить ее с окончанием ускоренного курса модели! Вообще он был какой-то квелый. Сразу видно, думал о своем. В конце концов Анна не выдержала и требовательно спросила:

– Куда мы едем?

Соболю ответил не сразу – видимо, собирался с мыслями. Но его ответ ее буквально убил.

– Легенда фотомодели никуда не годится. Она требует слишком сложного сопровождения: рекламные постеры и видеоролики, газетные интервью, публикации в разделах светской хроники. А у нас ничего этого нет. К тому же фотомодель не может появиться в Венесуэле одна. Потребуется целая группа сопровождения: фотограф, менеджер, представитель заказчика, гримеры, визажисты и так далее. Причем Пиночет искушен во всех этих тонкостях. Ведь его любовницей была настоящая фотомодель. Он сразу раскроет твою игру.

Он был прав, тысячу раз прав! От этого Анне стало обиднее всего.

– Что же делать? – растерянно спросила она.

– Наши аналитики попытались составить психологический портрет Пиночета, – невольно ответил Соболев. – Информация о нем крайне скудная, поэтому полной характеристики не получилось. Но кое-какие черты его личности они все же выявили.

– Например?

– Азарт и любопытство. Вот на этом мы и попробуем сыграть... Приехали, – неожиданно объявил Соболев.

Анна взглянула в окно. Они заехали в какой-то двор и остановились возле неприметного одноэтажного здания, пристроенного к жилому дому. На стене, возле входной двери, висела бронзовая табличка. Анна прищурилась, пытаясь рассмотреть выгравированную на табличке надпись. Нижние строчки не разобрала, но верхнюю прочитала без труда – бильярдный клуб.

– Пойдем, пойдем, – поторопил ее Соболев. – Познакомлю тебя с одним интересным человеком. – И, понизив голос, добавил: – Наш бывший сотрудник и старый друг Гнатьева. Сейчас уже на пенсии. Но кое в чем и мне сто очков вперед даст.

Заинтригованная его словами, Анна поспешно выбралась из машины.

Опередив ее, Соболев сам распахнул массивную дверь бильярдного клуба. Никакого менеджера или охранника внутри не оказалось, и только у одного из бильярдных столов стоял полноватый человек с высокой залысиной в костюме-тройке, правда, без пиджака, с кием в руках, и разглядывал раскатившиеся по столу шары. Впрочем, он тут же поднял взгляд на вошедших и добродушно улыбнулся.

Анна невольно последовала его примеру. После слов Соболева она рассчитывала встретить искушенного и опытного ветерана ГРУ, сурового и сосредоточенного, такого, как полковник Гнатьев, а вместо этого увидела перед собой пухлого толстячка с блестящей лысиной, один вид которого вызывал улыбку.

– Знакомьтесь, Георгий Александрович, – обратился к нему Соболев. – Анна Воротова, о которой я вам рассказывал. Прошу любить и жаловать.

Анна изумленно обернулась. «Прошу любить и жаловать». Однако! Прежде ей не доводилось слышать от Соболева таких выражений.

– Очень приятно, – ответил Георгий Александрович, приветствуя ее вежливым кивком. – Вижу, самого главного ваш коллега мне так и не сказал. Вы, Аня, просто красавица.

Анна польщенно улыбнулась и уже по-другому взглянула на ветерана разведки. Но тут опять вылез Соболев со своими комментариями.

– К сожалению, этого мало, чтобы привлечь внимание интересующего нас человека. Нужно еще обыграть его на бильярде.

«Так вот зачем Соболев сказал про азарт Пиночета, – сообразила Анна. – Если красивая девушка обыграет его в бильярд, а, по словам Маркоса, Пиночет заядлый любитель этой игры, то он наверняка заинтересуется ею. Не может не заинтересоваться!»

Георгий Александрович тоже понял, к чему ведет речь Соболев.

– Полагаю, именно поэтому вы ко мне и обратились. Буду рад помочь. Но позвольте узнать уровень игры соперника?

– Трудно сказать, – уклончиво ответил Соболев. – Но в число профессиональных игроков он точно не входит.

– Ну да, конечно, – задумчиво кивнул Георгий Александрович и, обратившись к Анне, спросил: – Раньше играли?

– Ни разу, – честно ответила она.

– Ну, это не беда. – Он ободряюще улыбнулся. – В бильярде главное – точный глазомер и чувство удара. Вот попробуйте загнать этот шар в эту лузу.

Он поставил один из шаров напротив угловой лузы и протянул Анне кий. Анна взяла кий и нагнулась к столу, выбирая, каким шаром лучше ударить. Странно, но она совершенно не волновалась, хотя и Соболев, и Георгий Александрович, надо думать, классный бильярдист, внимательно наблюдали за ней. Подходящих шаров, которыми можно было ударить по стоящему перед лузой шару, оказалось два. Анна выбрала тот, что стоял ближе к борту – до второго нужно было слишком далеко тянуться, – прицелилась и ударила. Шар покатился по столу, ударил в стоящий и... столкнул его в лузу.

– Получилось! – не сдержала своего восторга Анна.

Соболев хмыкнул в ответ, а Георгий Александрович одобрительно кивнул:

– Для первого раза совсем неплохо. Рука немного дрожит, но это мы поправим. Главное, у вас есть чувство удара.

– И сколько времени вам понадобится, чтобы сделать из нашей Ани мастера бильярда? – живо поинтересовался Соболев.

Георгий Александрович задумчиво вздохнул.

– Настоящее мастерство шлифуется годами. Но, – он вновь обернулся к Анне и неожиданно подмигнул ей, – думаю, что уже через месяц, при условии ежедневных тренировок, мы будем вполне прилично играть.

– Месяц? – нахмурившись, переспросил Соболев. – Это слишком долго.

– Зная род ваших занятий, рискну предположить, что Ане предстоит отнюдь не увеселительная прогулка?

Анна бросила быстрый взгляд на Соболева. Что он ответит? Но Георгий Александрович прекрасно обошелся и без его ответа.

– Вижу, что я прав. Поэтому я не хочу, да просто не имею права подвергать эту милую девушку дополнительному риску, который, надо думать, и так достаточно велик. Я готов обучить Аню игре на бильярде, но лишь при условии, что у нас будет достаточно времени для тренировок. Кстати, в какую игру ей предстоит играть?

– В американский пул, – механически ответил Соболев.

Георгий Александрович улыбнулся.

– В таком случае месяца, думаю, будет вполне достаточно.

* * *

Утром Анна проснулась за час до будильника. Хотя в последний месяц расслабилась: спала до восьми, а то и до половины девятого – поэтому и завела будильник. Встала, приняла душ, умылась и только тогда сообразила, что совершенно не знает, чем себя занять. Ехать на службу не имело смысла. Последний инструктаж от Гнатьева они с Соболевым получили еще накануне, и с сегодняшнего дня оба официально числились в командировке. Самолет в Венесуэлу вылетал поздним вечером. Оставалось сидеть дома, тем более что накануне она договорилась с Соболевым, что он заедет за ней по дороге в аэропорт.

Накинув в ванной халат, Анна вернулась в комнату, где на полу, у письменного стола, стояла собранная еще с вечера дорожная сумка. Список собранных в дорогу вещей вплоть до зубной щетки, косметики и нижнего белья пришлось согласовывать с Соболевым. Поначалу Анна посчитала это дикостью, но потом вынуждена была признать его правоту. Зато теперь ее багаж полностью соответствовал легенде. Чтобы не терять времени понапрасну, Анна затеяла уборку. Старательно протерла везде пыль, а когда вытаскила пылесос, вдруг вспомнила, что убираться в квартире перед дальней дорогой – плохая примета. Пришлось засунуть пылесос обратно в коробку. Несмотря на вытертую пыль, времени оставалось еще целый вагон. Анна попробовала читать, но уже через полчаса отложила книжку, сообразив, что совершенно не вникает в смысл

прочитанного. В мыслях она была уже далеко за океаном. «Хоть бы Соболев позвонил, что ли», – сердито подумала она. И телефон действительно зазвонил. Анна поспешно схватила трубку, но это оказался не Соболев, а отец.

– Здравствуй, дочь.

Сколько Анна себя помнила, отец всегда разговаривал с ней как со взрослой, поэтому ее тянуло поговорить с ним. Вот и перед отлетом она собиралась позвонить родителям, но так и не придумала, как сообщить им о своем задании.

– Привет, – кое-как выдавила она.

– Как у тебя дела?

– Все нормально, папа.

– Ты давно не звонила. Мы с мамой уже начали беспокоиться.

– Ты же знаешь, я была на учебе.

Обучение проходило в подмосковном доме отдыха. Там, «вдали от посторонних глаз» – по меткому выражению Соболева, Анна провела ровно четыре недели, с утра до вечера гоняя в бильярдной шары с Георгием Александровичем. Правда, насчет «посторонних глаз» Соболев оказался прав лишь отчасти. Первую неделю они действительно играли в одиночестве, а потом бильярдные поединки отставника-ветерана с молодой девушкой стали собирать все больше зрителей из числа отдыхающих. Анна практически все время проводила с Георгием Александровичем. Даже на завтрак, обед и ужин они ходили вместе. Поэтому и соседи за столом, и зрители наверняка считали ее его любовницей. Это было забавно, тем более что Анна не раз замечала, что отставник смотрит на нее как на женщину. Правда, надо отдать ему должное, никаких попыток сблизиться с ней он не предпринимал.

– Ну и как прошла учеба? – поинтересовался отец.

– Успешно, – Анна улыбнулась. – Итоговый экзамен сдала на четыре балла.

В последний день Георгий Александрович предложил ей сыграть несколько партий на интерес. Среди постоянных зрителей как раз нашлись двое желающих помериться с ней силами. В результате из пяти сыгранных партий Анна проиграла только одну, выиграв у своих соперников в общей сложности четыре тысячи рублей.

– Жаль, что не на пять, но все равно поздравляю. – Отец всегда был максималистом. – К нам не собираешься? А то мы с мамой уже соскучились.

– Может быть, чуть позже. Сейчас у меня дела, – быстро ответила Анна, чтобы отец не услышал, как дрожит ее голос.

– Ясно... – Он вздохнул. – Что ж, будем ждать. – Анна поняла, что отец тоже не хочет показывать, как он огорчен ее отказом. – Но ты хотя бы звони нам почаще.

– Пап. – Анна стиснула трубку. – Ты уж прости меня, но какое-то время я не смогу вам звонить. Я завтра улетаю в командировку.

– Далеко?! – Отец все понял. Анна отчетливо услышала прозвучавшую в его голосе тревогу. – Ты... там береги себя.

– Конечно, папа. Извини, мне нужно собираться. Я позвоню вам сразу, как только вернусь. Обязательно позвоню.

Не в силах продолжать разговор, она поспешно нажала кнопку разъединения и потом никак не могла понять, почему сотовый телефон, который она продолжала держать в руке, и вся комната расплываются у нее перед глазами.

Чтобы Соболев не заметил ее распухших от слез глаз, Анна долго плескала в лицо холодной водой. Но он все равно заметил, потому что слишком внимательно посмотрел на нее. Хорошо хоть ни о чем не спросил, избавив ее от необходимости выдумывать небылицы про попавшую в глаз соринку или очищенный лук.

Второй раз Анна не справилась с волнением, когда самолет, закончив разбег, оторвался от взлетной полосы. Она как раз глядела в иллюминатор – регистрацию они проходили одни из

первых, и Анна, по своему обыкновению, попросила место у окна. День выдался хмурым и пасмурным. Неоднократно начинал накрапывать дождь, последний раз, когда они сели в самолет. Иллюминатор сейчас же покрылся дождевыми каплями. Через его мокрое стекло были видны мокрый асфальт взлетной полосы и поникшая трава летного поля. И от вида этой унылой картины у Анны вдруг так защемило сердце, что она испугалась: а вдруг опять расплчется. Но усилием воли все-таки взяла себя в руки. Хорошо хоть Соболев не видел этой ее секундной слабости – в это время листал какой-то предложенный пассажирам журнал. Вот бы она перед ним опозорилась. Но когда Анна уже совсем успокоилась, Соболев вдруг отложил журнал, накрыл ее руку своей ладонью и тихим голосом сказал:

– Это нормально. Я на своем первом задании тоже страшно волновался.

Анна сердито выдернула руку и снова отвернулась к окну. Что за глупости?! Вовсе она не волнуется! И задание это у нее не первое, а второе! Он что, забыл, что в Сербию они летали вместе?

Глава 3

Таинственный поклонник

До кромки бассейна оставалось не более полутора метров. Пловец сделал еще один мощный гребок, нырнул и, оттолкнувшись ногами от сложенного из каменных валунов бортика, помчался назад. Стремительно преодолел под водой весь бассейн и легко выбрался на каменную кладку. Здесь его уже ждали. Смуглая индианка молча протянула кипенно-белый махровый халат и такое же белоснежное полотенце. Пловец презрительно отстранил предложенный ему халат, не вытираясь, обернул полотенце вокруг узких мускулистых бедер и обратился к стоящему рядом с индианкой плотному, атлетически сложенному блондину:

– Не хочешь освежиться, Шерман?

– Нет, сеньор Карлос, – почтительно ответил тот, с отвращением покосившись на зеленую гладь бассейна.

Этот взгляд не остался незамеченным Карлосом. Его губы искривились в снисходительной усмешке. Шерман умен и изобретателен – не зря он привез его из Южной Африки, сделав начальником своей охраны и управляющим фазенды, но нервы у главного телохранителя слабоваты, хотя по виду бывшего южноафриканского наемника об этом и не скажешь. После того как выпущенные в бассейн пираньи сожрали предателя, оказавшегося двойным агентом, Шерман даже близко не подходит к воде. Впрочем, зрелище было впечатляющее. Вода вокруг несчастного так и кипела от набрасывающихся на него хищных рыб. Правда, потом чистящий бассейн уборщик, спустив воду, два дня смывал с плитки и выковыривал из стыков между камнями кровавые ошметки, а забившиеся дерьмом фильтры и вовсе пришлось менять.

Карлос тряхнул головой, откинув со лба прилипшие волосы, при этом у него на шее колыхнулась толстая золотая цепь, а на груди сверкнул золотой медальон с изображением древнеиндейского бога войны. Шерман, возивший медальон в Нью-Йорк, к экспертам аукционного дома «Кристи», утверждал, что это новоделная подделка, но хозяину медальон нравился, и во время отдыха он носил его, не снимая.

Подойдя к сервировочному столику, каждое утро накрываемому для него возле бассейна, Карлос выудил двумя пальцами из коробки гаванскую сигару в блестящей целлофановой обертке, не прибегая к помощи второй руки, разорвал целлофан и выбросил смятую обертку в стоящую рядом пепельницу. Потом прикурил сигару от массивной золотой зажигалки, боковые стенки которой украшали декоративные накладки из натурального мрамора, и с удовольствием затянулся. Табак был хорош, но его аромат портил идущий от рук едва различимый запах тины. Как ни фильтруй воду в бассейне, но если забор ведется из реки, вода все равно будет пахнуть болотом. С этим ничего не поделаешь. Так ему объяснили прокладывавшие трубы специалисты.

– Как это у вас получается, сеньор? – спросил управляющий, все это время внимательно наблюдавший за его руками.

Хозяин улыбнулся.

– Все дело в пальцах, Шерман.

Он достал из коробки вторую сигару и принялся вертеть в руке, заставляя скрученный из листьев табака продолговатый цилиндр вращаться то вокруг одного, то вокруг другого пальца, после чего внезапным щелчком метнул ее управляющему.

– Попробуй сам.

Шерман успел поймать брошенную ему сигару, но снять с нее обертку одной рукой, конечно, не сумел и уронил себе под ноги.

Карлос добродушно рассмеялся.

– Ладно. Не отчаивайся. Лучше расскажи о твоей поездке в Каракас. Какие новости в столице?

Никаких заслуживающих внимания новостей Шерман из Каракаса не привез, иначе бы доложил о них сразу после возвращения. Но в столице у него на связи не менее десятка агентов. Что-то же они должны были ему сообщить.

– Ничего интересного, сеньор, – быстро ответил управляющий. Пожалуй, даже слишком быстро.

Карлос нахмурился.

– Ну а все-таки?

– На днях какая-то русская выиграла в пул у американского туриста пятьдесят тысяч долларов, – с явной неохотой ответил Шерман.

– У-у... – Карлос выпятил нижнюю губу, отчего его жесткое лицо вмиг приняло изумленно-растерянное выражение. – А ты говоришь ничего интересного. Я тут страдаю от безделья. А в это время какая-то русская чистит в бильярд богатеньких американцев. Она симпатичная?

– Мой человек сказал, что просто красавица. Впрочем, это может быть и не так. Сам он ее не видел...

– Наверняка красotka, – не дослушав управляющего, заметил Карлос. – С уродиной никто не стал бы играть. Где они играли?

– В «Ритце».

– В «Ритце»? – Удивление на лице Карлоса стало неподдельным. – Тогда я тем более должен с ней познакомиться. Узнай, где она остановилась.

* * *

Собираясь на завтрак, Анна надела узкие брюки с заниженной талией и черный кожаный жилет – свое недавнее приобретение, который ей очень шел, хотя и выглядел несколько вульгарно. Впрочем, для бильярдной кидалы такого понятия, наверное, вовсе не существовало. Полюбовавшись на себя в зеркало, жилет все-таки сняла. Для бара или бильярдной такой наряд еще подходил, но на завтраке выглядел бы слишком вызывающе.

Вот уже четыре дня Анна жила в отеле «Ритц-Интерконтиненталь», куда по совету Соболя перебралась после своего «выигрыша». Номер стоил почти пятьсот долларов в сутки – в десять раз дороже того, что они сняли вместе с Сободем по прилету в Каракас, притом, что относился к разряду самых дешевых одноместных номеров во всем отеле. «Ритц» вообще поражал своим великолепием. Анна нигде прежде не видела такого количества зеркал, позолоты, фонтанов и живых цветов. Не удивительно, что Пиночет выбрал для встреч с пуэрториканской моделью именно этот отель. Вот только сейчас он не спешил здесь появляться, несмотря на соблазнительную приманку в виде таинственной бильярдной аферистки.

Идея с выигрышем тоже принадлежала Соболю. Эта мысль пришла ему в голову еще в Москве, после того, как Анна, рассказывая о своих успехах на бильярдном поприще, поведала о четырех победах, одержанных над отдыхающими из дома отдыха. Идея получила полное одобрение у полковника Гнатьева, а для ее воплощения в Венесуэлу был приглашен настоящий стопроцентный американец, уже много лет сотрудничающий с российской военной разведкой. В подробности операции его, естественно, никто не посвящал, тем не менее со своей ролью он справился блестяще. Добросовестно изображал обеспеченного холостяка-пенсионера, которому вскружила голову молодая симпатичная интриганка. В бильярд он играл средне – Анна обыграла его без труда, но во время игры вел себя очень убедительно: всякий раз нервничал, увеличивая ставки. А когда выписывал фиктивный чек, от досады даже чуть не сломал перо на своем «Паркере». Игра проходила без свидетелей, если не считать служителя, выдающего игро-

кам шары и кии. Но партнер Анны позаботился о том, чтобы о его проигрыше стало известно в отеле – в тот же вечер за рюмкой виски поведал в баре, как его опустила на пятьдесят тысяч таинственная русская красотка. Рассказ не остался без внимания – Анна потом проверила. Специально зашла в бар на следующий день, заказала «самбуку». Так бармен и немногочисленные посетители устали на нее и не сводили глаз, пока она не ушла. Можно было не сомневаться, что слух о ее выигрыше уже распространился среди персонала и проживающих в отеле туристов. Вот только дойдет ли он до Пиночета? Анна отнюдь не была в этом уверена. Выяснить это можно было только одним способом – ждать.

Народу в ресторане оказалось немного, что, в общем-то, неудивительно. По утрам ресторан работал четыре часа, и проживающие приходили на завтрак в разное время. Анна быстро пробежалась взглядом по посетителям, отмечая знакомые лица, но когда повернула голову к открытой террасе, увидела нового мужчину. Незнакомец был хорош: широкие плечи, гордая посадка головы и уверенная поза, в которой он расположился на стуле, – все говорило о том, что этот человек знает себе цену. Одет он тоже был не так, как большинство постояльцев отеля, которые выходили на завтрак в блеклых, неприметных одеждах. На нем была песочного цвета сорочка, белые брюки классического покроя и остроносые туфли с выделкой под крокодилью кожу, а может быть, и из натуральной кожи крокодила. Мужчина выбрал место у окна, откуда превосходным образом просматривался и ресторанный зал, и открытая терраса. Дольше разглядывать его было неприлично. Анна быстро положила на свою тарелку несколько листиков салата, крупно нарезанные помидоры, сочные и необычайно сладкие, черные маслины и кусок рулета из индейки. Для омлета места уже не осталось. Ладно, если захочется, можно будет сходить за омлетом отдельно.

Набирая еду, Анна украдкой поглядывала на появившегося в ресторане незнакомца. Он неторопливо потягивал кофе из своей чашки и явно никуда не торопился. Тем лучше. Анна заметила свободный столик в непосредственной близости от любопытного субъекта и направилась туда. Когда проходила мимо, в распахнутом вороте его рубашки заметила золотую цепь, не уступающую толщиной парашютной стропе. Мужчина тоже поднял на нее взгляд, но посмотрел равнодушно. Анну это даже обидело. Со своего места она внимательнее пригляделась к нему. Около тридцати пяти лет. Хотя, может быть, и моложе. Вон, на голове ни одного седого волоса. Но определенно старше Соболя. Пока сидит, рост определить трудно, но, несомненно, выше среднего. Фигура плотная, мускулистая. Значит, активно занимается спортом. Хотя по рукам этого не скажешь. Вон какие тонкие пальцы. Такие пальцы скорее встретишь у пианиста, чем у спортсмена. Но не в шахматы же он играет с такой мускулатурой. Красив? Пожалуй... Расстояние не позволяло рассмотреть черты лица. Тем не менее мужчина определенно должен был нравиться женщинам. Анна посмотрела на его руки, сначала, по привычке, на правую, потом на левую. Обручального кольца там не было. Правда, это еще ни о чем не говорило. Соболю тоже не носит обручальное кольцо, хотя и женат. Интересно, чем ты по жизни занимаешься? Судя по внешности, незнакомец вполне мог оказаться спутником Грессии Альварес, запечатленным рядом с моделью неизвестным фотографом. Неужели это он, Пиночет?! И вовсе это не обязательно, – мысленно попыталась успокоить себя Анна. То, что этот тип похож на любовника пуэрториканки, еще ни о чем не говорит. Опознать его она все равно не может. А будь он международным террористом, стал бы он так выражаться, приходя сюда? Зачем ему специально обращать на себя внимание? Впрочем, ничем, кроме броской одежды, незнакомец от остальных посетителей не отличался. Он, не спеша, допил свой кофе, встал и так же, не спеша, удалился. Тем не менее вычеркивать его из числа подозреваемых явно не следовало. Тем более что других кандидатов на роль Пиночета у нее пока не было.

* * *

После того как любопытный незнакомец покинул ресторан, оставаться здесь не имело смысла. Анна быстро доела рулет и салат, даже отказалась от кофе, разносимого по залу расторопными официантами, ограничившись стаканом сока. Так не терпелось сообщить Соболю о появлении подозрительного субъекта. Но когда, поднявшись в номер, взяла сотовый телефон, задумалась. А что она, собственно, скажет? Что видела на завтраке в ресторане мужчину, одетого не так, как остальные? Звучит довольно глупо. Если уж докладывать о незнакомце, нужно хотя бы попытаться выяснить, кто он.

Надев жилет, от которого отказалась перед походом на завтрак, – теперь он был весьма кстати, – Анна спустилась в расположенный по соседству с бильярдной бар, где «обставленный» ею американский турист рассказывал о своем позорном проигрыше. Бар только что открылся, и посетителей пока не было. Одиноким бармен за стойкой натирал и без того сверкающие бокалы. Анна подошла к стойке и заказала понравившуюся «самбуку», а когда бармен поставил перед ней бокал, положила рядом стодолларовую купюру.

– Возьмешь долларами?

Располагающая улыбка на бармена не подействовала. Он оказался стойким парнем. Молча отсчитал сдачу, правда, местной валютой, выложив перед ней стопку разномастных купюр.

Анна отодвинула деньги обратно.

– Оставь себе.

Такой язык бармен понимал. Он расплылся в благодарной улыбке и произнес на сравнительно неплохом английском:

– О, мисс, вы так щедры!

Анна облокотилась на стойку, дав возможность ему заглянуть в вырез своей блузки, и доверительно спросила:

– Ты ведь в курсе, чем я зарабатываю на жизнь?

Бармен не стал изображать наивность.

– Полагаю, что да.

– Скажи, у вас среди постояльцев есть азартные простаки, которых можно немного «пощипать»? – Анна выразительно взглянула в сторону бильярдной.

– Боюсь, мисс, я не смогу вам помочь, – ответил он после секундной паузы.

Не нужно было изучать оперативную психологию, чтобы понять: парень просто набивает себе цену. Анна придвинулась ближе и как бы невзначай провела рукой по оголенной шее.

– А ты постарайся. Я умею быть благодарной.

На лбу у бармена выступили бисеринки пота – еще бы, она уже практически легла перед ним на стойку. Но, видимо, обещанной награды ему оказалось мало, или он действительно не знал, чем ей помочь.

– Сейчас у нас, правда, нет интересующих вас клиентов.

Что ж, можно и прямо спросить.

– Да? – Анна недоверчиво прищурилась. – А я сегодня встретила в ресторане одного самоуверенного красавца...

Она исчерпывающе описала внешность незнакомца, но бармен в ответ отрицательно замотал головой.

– Понятия не имею, о ком вы говорите.

При этом его взгляд был устремлен Анне за спину, но она обратила на это внимание, только когда сзади уверенный мужской голос спросил по-английски:

– Заказали «самбуку»? Хороший выбор.

Анна обернулась. Перед ней стоял тот самый незнакомец из ресторана. Только сейчас к его наряду прибавились белый пиджак и такая же белая широкополая шляпа, которую он держал в руке. Шляпа в наряде мужчины была явно лишней, так как делала его похожим на ковбоя.

– Вы уже пробовали фирменный коктейль Санчо? – спросил он и сам же ответил: – По глазам вижу, что нет. – После чего, не поворачивая головы, обратился к бармену: – Санчо, два твоих фирменных. И не разочаруй даму, иначе я попаду в глупое положение.

Последние слова мужчина произнес с улыбкой, но Анне показалось, что в них прозвучала угроза. А может, и не показалось, потому что бармен отнесся к предупреждению весьма серьезно.

– Да, сеньор Карлос, – почтительно ответил он, наливая в стеклянную мензурку темно-зеленый абсент.

Бармен знает его! Уже неплохо. Нужно было что-то сказать, но от неожиданности Анна совершенно растерялась. К счастью, мужчина предпочитал сам вести беседу.

– Ну вот, теперь вы знаете, как меня зовут. – Анна вздрогнула, он как будто читал ее мысли! – А могу я узнать ваше имя, прекрасная незнакомка?

Она покачала головой, словно обдумывала вопрос, собственно, так и было, и ответила:

– Можете.

– И как же вас зовут?

Все слова Карлос произносил, неотрывно глядя ей в глаза, и при этом ни разу не моргнул, что говорило о его недюжинной воле. Анна из последних сил выдерживала его взгляд. К счастью, бармен поставил на стойку два высоких бокала с ободками сахарного песка по краям, и она с облегчением опустила глаза. Анна с удовольствием сделала через соломинку большой глоток – коктейль действительно оказался очень вкусным: сладким и одновременно немного терпким и только после этого ответила:

– Аврора.

– Аврора? – повторил за ней Карлос. – Какое красивое имя. Итальянское?

– Вот уж не думала, что у меня в роду были итальянцы, – попробовала пошутить Анна. – Вообще-то я из России. А вы?

– Так вы та самая русская девушка, которая виртуозно играет на бильярде?! – воскликнул Карлос, проигнорировав ее вопрос. – Дадите пару уроков?

После разговора с барменом отказываться было нельзя.

– Охотно. Но учтите, я дорого беру за уроки.

Карлос вынул из бокового кармана пиджака пригоршню мелочи, сделал вид, что считает, и сказал:

– По-моему, должно хватить.

Анна прыснула, причем безо всякого притворства. Шутка и впрямь оказалась остроумной.

Когда он придержал дверь, пропуская ее в бильярдную, Анна оглянулась на бармена. Санчо с облегчением смотрел им вслед. Чем-то присутствие остроумного сеньора Карлоса нервировало его, а может быть, и откровенно пугало.

Бильярдная оказалась пуста. Анна поймала себя на мысли, что все повторяется. За исключением того, что на этот раз игра предстояла всерьез и ее противник, похоже, поддаваться не собирался. С видом знатока она выбрала кий, вспомнив, как ее учил этому Георгий Александрович, и, постаравшись унять волнение, предложила:

– По соточке?

А сама подумала: если она сейчас проиграет, вместе со ста долларами, отданными бармену, будет уже двести. Соболю ее точно убьет.

Карлос не спеша снял пиджак, закатал манжеты рубашки, при этом на левом запястье открылись массивные золотые часы с украшенным брильянтами циферблатом, стоящие никак не меньше престижного спортивного автомобиля. С учетом этого предложенная ставка должна была показаться Карлосу смехотворной. Но его ответ удивил Анну.

– Так вы меня, чего доброго, совсем разорите. Хотя бы по пятьдесят.

Анна презрительно хмыкнула, но возражать не стала.

И зря. Можно было бы вернуть отданную бармену сотню. Карлос играл небрежно, бил, не целясь, и за всю игру закатил только три шара. Похоже, результат его вовсе не интересовал.

– Поздравляю. – Он протянул Анне проигранную купюру. – И в качестве оплаты за этот урок приглашаю вас на обед.

– Благородно. – Анна улыбнулась. Все-таки клюнул! Заглотил наживку! – А если я откажусь?

Карлос демонстративно закатил глаза.

– Тогда вы разобьете мне сердце.

Разумеется, она не отказалась.

– Это было бы жестоко с моей стороны. Только мне нужно переодеться. Встретимся через час на ресепшн.

Оставив партнера рассчитывать за аренду стола, Анна поднялась к себе в номер и, заперев дверь, набрала номер Соболя.

– Привет. Это я! – выпалила она в трубку, услышав его ответ. – Есть первый кандидат. Сам подошел ко мне в баре. Предложил сыграть. Проиграл пятьдесят долларов и пригласил на обед. Через час... вернее, уже через пятьдесят пять минут, – поправилась Анна, взглянув на часы, – мы встречаемся с ним на ресепшн.

Про выигранные пятьдесят долларов добавила специально, чтобы Соболю не подумал, что она только тратит деньги, выделенные на оперативные расходы. Но он спросил совсем о другом:

– Где обедаете?

– Я не спросила, – виновато пробормотала Анна. Вот идиотка! Это надо было выяснить в первую очередь.

Соболю помедлил всего секунду, чтобы собраться с мыслями, и сказал:

– Веди себя естественно. Я буду рядом. Если что, подстрахую.

Судя по голосу, он волновался больше, чем она.

– Ясно, – бодро ответила Анна, чтобы поднять шефу настроение.

Что с ней может случиться во время обычного обеда? Соболю явно преувеличивал опасность.

* * *

Ровно через час Анна, переодевшаяся в летний сарафан с открытыми плечами и оголенной спиной, и в босоножках с узкими и длинными ремешками, которые приходилось обматывать вокруг икр, спустилась в гостиничный холл – Соболю как раз должно было хватить времени, чтобы добраться до «Ритца». Карлос ждал ее, сидя в кресле, напротив стойки ресепшн, и попыхивал толстой шоколадной сигарой. Его ковбойская шляпа лежала на столе рядом с пепельницей. Увидев Анну выходящей из лифта, он бесцеремонно устался на ее ноги и не отвел взгляда, пока она шла к нему. Но как только она приблизилась, пружинисто поднялся с кресла и сказал:

– Нет, не зря вам дали имя Аврора. В вас определенно что-то есть от римской богини.

Однако! Ковбой оказался знатоком древнеримской мифологии. Это было неожиданно.

– Приходилось общаться с богинями? – сострила Анна.

Карлос даже не смутился.

– Да. С парой-тройкой даже был в довольно близких отношениях.

– И... что богини?

– Остались довольны... Прошу.

От него так и веяло самоуверенностью. Поэтому Анна, хотя и шла рядом, не притронулась к предложенному локтю. Двое швейцаров на входе почтительно поклонились при их приближении. Так они приветствовали всех проживающих в отеле, но Анне показалось, что ее спутнику они поклонились чуть ниже, чем остальным.

Выйдя наружу, Анна оглянулась по сторонам, но Соболя нигде не заметила. Неужели все-таки опоздал? Карлос по-своему истолковал ее взгляд.

– Обойдемся без такси. Прошу в колесницу, богиня. – Он указал на стоящую перед входом распластанную «Ламборджини».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.